

АЛЕКСАНДР КУЖНО

ОЛЬГА КУЖНО

РЕКВИЕМ ДРУГУ

Жизнь, пожалуй, можно сравнить с морской волной, на хребет которой сперва стремительно взлетает твоя лодка, и тебе кажется, что ты плывёшь в поднебесье, к солнцу, обретая любовь друзей, надежды, знания, научаясь делу, которое дорого, в вечном и вечно неизбывном заблуждении, что чем ты дальше плывёшь, тем дольше и прочнее твой путь. Но, увы, жизнь не есть земная твердь, и путь твой пролегает по зыбкой материи, вовсе не напоминающей склон пика — пусть трудного, каменистого, но всё же надёжного своей плотью, нет, жизнь и вправду похожа на зыбкую волну.

Вот ты, сам того не понимая, достиг гребня, в какое-то мгновенье показалось, что ты совсем близок к небу, но податливая плоть расступилась, и ты, всё ещё не сознавая этого, не соглашаясь с данностью, сперва медленно и незаметно, а потом всё быстрее, точно разгоняясь, летишь вниз, и обретения подъёма оборачиваются потерями спуска — тусклее становятся чувства, уходят друзья, надежды, силы, а знания твои и умения отягчаются постижением сущего. Что знания, что опыт... Не из этого ли объективного хода бытия, который ещё никому не удалось изменить, родилась грусть то ли истины, то ли простого вздоха: если бы молодость знала, если бы старость могла...

Мчится вниз ладья жизни, и с каждой потерей окорачивается твоё существование. Не есть ли смерть близких репетиция нашего собственного ухода? И не заключено ли в потерях строгое взывание к живым душам: так ли вы живёте, так ли, как надобно, тратите дни, дарованные судьбой, не выйдет ли боком щедрая расточительность не помнящих предела...

Саша Кухно — мой друг. Не хочется говорить: “он был моим другом”. Нет, Саша Кухно — мой друг.

В том-то, видать, и состоит власть настоящего, что как бы ни далеко расходились мы по самой природе вещей, в полусне ли, в суетной ли яви, в самый что ни на есть неподходящий миг, среди никчемного, пустого спора или бытового суесловия, вдруг по тайной какой-то, неведомой команде подкорки, то ли обращающей сознание твоё к первоистинам, то ли указующей на подлинное в хаосе поддельного — возникнет вдруг Шашино спокойное лицо, явственное, близкое, и он как будто силится что-то сказать — или подсказать! — хочет помочь тебе, на что-то намекая, а ты не можешь никак догадаться... Или просто, без всяких намёков является тебе и смотрит, терпеливо и безмолвно — просто смотрит.

Наши близкие и друзья не уходят — долго бродят ещё в нашем сознании, в памяти любящих и любимых и исчезают совсем лишь тогда, когда исчезаем и мы, помнящие их...

Первый раз мы друг друга увидели в коридоре редакции журнала “Сибирские огни”. Подружились сразу, без подходов — ещё молоды были, ещё неслись в своих ладыях к гребню, ещё верили в открытость лиц и не ошиблись, нет, не ошиблись. Я приехал в Новосибирск сборком “Комсомольской правды”, оставив первую работу и дружеские привязанности в родном Кирове, и новизна в соединении с возрастом искала свежих, сильных чувств.

Человек склонен обманываться в своих симпатиях, принимая желаемое за действительное: на твою искренность не всегда отвечает ответная, и горек обман, когда ты встречаешь открытость мнимую, порой лишь маскирующую расчёт. Не раз обманывался и я, но обмануться в Саше Кухно было нелегко.

Было в нём что-то есенинское, внешне, конечно. Голубоглазый, светлорусый, он, пожалуй, и в стихах своих не убежал от “королевича”. В это слово свое Катаев*, как я понимаю, вложил главную есенинскую ипостась — его избранность, прирожденную непохожесть на прочих, его духовный аристократизм, его обреченную судьбоносность. Известно, меты необыкновенности ведут не к одному лишь блеску, не только к удаче, но и к драмам, даже к трагедии судьбы.

Саша Кухно похож на Есенина и в этом.

Его красила мягкая манера изъясняться, но даже когда он сердился, хотел быть грубым, даже когда доходил до крика, острых углов речь его не обретала, и самое яростное слово звучало у него окатым, округлым, не бранным. Он быстро остывал, гнев его почти всегда выливался в отчаяние — бессилия, несправедливости, беспомощности. Не помню я в этом гневе разящей, уничтожающей страсти.

В поэзии он был истым лириком, если и появлялись у него стихи публицистические, открыто гражданские, то сразу ясно становилось — это не его назначение. Впрочем, надо оговориться: гражданское чувство можно выразить не только восклицательными знаками и яростью страсти, но и тихим голосом любви, неравнодушием, горечью, если надо. И Александру Кухно именно эта интонация удавалась — полуулыбка, полусвет, полуплач...

Яркие поборников определенности это прямо-таки бесило, одно лишь название лучшей прижизненной Шашиной книги — “Ранимость” — вызывало возмущенный топот ортодоксов, воспитанников испуганных 50-х годов. Прикинули бы незваные блюстители псевдоправды, в какие годы — и как! — рос тот, чья ранимость так ранила неранимых. Его отец — оставить было не с кем — брал сына с собой на работу, и мальчонка играл во дворе — может ли только в этом быть отца вина? — да вот работа у него оказалась непростая: служащий тюремной охраны.

“Грех невольный нам простится...”

Нет, не простился: пережил отец своего сына — а легко ли это? И разве только один он, старый солдат, не переставая, недоумевал: и что так рвёт своё сердце Саша, зачем он каким-то тайным клеймом себя наградил, мало ли как люди жили, разве такая являлась нужда и безысходность — и при чём тут он-то, он?

Да, совести каждому розлито по-разному. Одному капли — с избытком, другому под горло подкатывает, не вздохнуть. Не думаю, не верю, чтоб Саша

* Валентин Катаев. “Алмазный мой венец”.

на дворе той отцовой работы чего непомерного высмотрел. Впрочем, где мера суровости для малого сердца? Где черта, за которой уже нельзя? Кто провёл эту линию в жизни, а пуще — в детской душе?

Я прошу прощения у Саши за обращение к этой безрадостной точке его судьбы, впрочем, я знаю, он не осудит, он не стыдился о ней говорить, потому что — было, да и я не для красного словца поминаю горькое, а только лишь потому, что без этого Сашу Кухно не объяснить.

Нет, не жестокосердием, а ранимостью одарила его судьба вопреки обстоятельствам, не смехом, а полуулыбкой, не криком, а тихой речью.

По сути своей, по образу действия — он не был борцом. Поэт, он многие годы служил редактором отдела прозы “Сибирских огней”, честнейшим, я подчеркну, редактором, работягой-чернорабочим, и что иному обошлось бы в прибавок к литературной репутации, в полезные связи, в новые возможности, ему доставалось изнурительной мукой — для тела, для ума, для собственных стихов, в конце концов.

Он очень мало писал. Его корили за это — близкие, друзья. В их числе был и я, говоривший ему, что непомерная малость неизвинима, может, ещё более, чем непомерная обильность. Он соглашался в душе, но ворчал: ворчливость с годами, казалось его друзьям, становилась хронической.

Но это была лишь защита собственных прав. После смерти в Сашин столе обнаружился ворох вполне законченных, прекрасных стихов, отмеченных и значительностью, и глубиной. Он ворчал, подумалось мне, когда мы вдвоём с его Олей — уже вдовой — перебирали их в опустевшие, оглохшие часы после поминок, — он ворчал, а совершалось что-то очень важное, необъяснимое — необъяснимое и для него самого, не понятное им.

Что это было?

Переход в иное качество? Ведь в литературе, особенно в поэзии, такое бывает, что-то случается с поэтом, неудовольствия, слёзы, ворчание — невыносимый характер! — а оказывается, что-то происходит, крутятся — а может, ломаются! — невидимые шестерни, его душа освобождается от прежнего, и он вдруг совсем другой, чем год, полгода, вчера; как птицы, замурованные в горе, в душе беснуются слова, пока они не прольются на свободу — стихами...

С болью глядящая в истаявшую Сашину жизнь — с болью совершенно физической! — я корю себя, как всех, шедших рядом, кроме Оли, за непонимание его противоречивой, казавшейся путаной, непоследовательной, слабой жизни. Есть ли смысл разбираться теперь, после потери, много лет спустя? Жизнь перевернута, как страница... Да вот совесть сопротивляется здравому смыслу.

Он бросил службу, чтобы писать стихи, но они рождались редко и трудно, и Саша читал старое по путёвкам тогдашнего Бюро пропаганды художественной литературы: та же работа, но есть в ней какая-то жалковатость. Ему предлагали издаться в Москве, редкий случай, “Молодая гвардия” ставила его в план — без рукописи, даже без заявки, и он отказывался — все разводили руками: что он, не от мира сего?

Людское мнение поспешно, оно торопится, как и все мы, по своим обыденным надобностям — кто-то махнул рукой, кто-то пожал плечами, кто-то ругнул в сердцах: чудаки-люди, ему помогали, а ему не нужно, ну и пусть как хочет...

Получалось, что все мы пробежали мимо него: каждый занят своей жизнью, это извинимо, а он словно бы отстал, нет, остался ждать — одинокая, озябшая фигурка в истончавшем пальтеце с поднятым воротником на пустынной платформе, мимо которой промчались наши поезда.

А он в одиночестве, совсем не одинокий, разве что с жизнью наедине, решал совестные её вопросы.

Торопиться ли с книгой в Москве? Печатать ли стихи в столичном журнале? Или же тихо судить себя? Говорить себе: не торопись, не вышло так, как ты хотел. Увы, как в каждом деле, а в творчестве особенно, слишком легко замучить себя самосудом.

Рано ли, поздно ли, должна возникнуть отвага бросить себя на иной суд. Желание — или мужество? — взойти на эшафот общественного мнения не одной лишь родной земли, но и всей страны. Грешно укорять Сашу, да и где неуловимая грань между мужеством, желанием, совестливостью?

Наверное, есть и такая победа: пусть другие, мне не к спеху. Я подожду.

Тщеславие — черта порицаемая, честолюбие, особенно для художника, свойство необходимейшее; так вот — Саша Кухно полностью освободил себя от него.

Нечестолюбивый поэт, он отказался от книг в Москве, от столичных публикаций, хотя был хорошо знаем читателями, любим, почитаем дома, в Новосибирске. Что ж, поражать это может, но теперь, после Сашиной жизни, поступки такого ряда не вызывают желания махнуть рукой, пожать плечами, но требуют — взывают! — окоротить меч, остановиться, задуматься...

Ибо казавшееся странным, непонятым, просто глупым обернулось уроком взыскательности к себе, редчайшим образцом совестливости.

Но было бы слишком просто поставить тут точку.

Саша был устроен куда сложнее. Негромкоголосый лирик и мягкий человек, в глубинах своих он лелеял мысль вовсе не лирическую, требующую твёрдости характера, отказа от многих житейских соблазнов, ставивший перед собой высокие барьеры.

Всё, о чём я сказал выше, вдруг соединилось в Александре Кухно, когда он встретился с новой для себя темой — темой Парижской коммуны. Нет, не там, не в Париже, не в Новой Каледонии, где отбывали каторгу и погибали многие коммунары, и уж вовсе не в XIX веке, а в родном Александрю Новосибирске, в нашем, конечно же, времени, в 1942 году.

Так случилось, что жизнь последнего парижского коммунара Адриена Лежена завершилась в Сибири, куда его, 94-летнего, эвакуировали вместе с другими старыми революционерами из подмосковного Дома ветеранов.

Личность Лежена, рядового Парижской коммуны 1871 года, рифмуется в нашем сознании с борьбой за равенство и справедливость, с баррикадами, с французским мальчишкой по имени Гаврош, который стал символом отваги для юношества всего мира, ничуть не менее. Гаврош — это детство, принесённое в жертву чести. Лежен — старость Парижской коммуны, ее последний боец, прошедший французские тюрьмы, изгнание, восторженно принявший революцию в России, приехавший сюда, и в 1942 году — представьте! — перед смертью, в Новосибирске, где под окнами его гостиницы шли на вокзал несметные сибирские полки, написавший: “Прежде чем умереть, я хочу видеть тех, кто послал мне эту вторую Родину”. И еще он напишет накануне смерти: “Я — последний, который боролся на баррикадах Парижской коммуны... А Вы боретесь не только за свободу и счастье молодого поколения Советской страны, но за свободу и счастье молодого поколения всего мира...”

Словом, судьба солдата справедливости — чем не образ для поэмы, для живописной биографии, которой не жалко сил. Одна беда — почти нет документов. Кухно начинает их искать. Тернист этот путь.

Моего Сашу поразило именно это совпадение: Коммуна последнее своё дыхание завещала сибирским полкам. В час испытания на излом идея народного освобождения совершила мифический переход из одной сферы сознания в другую, близкую нам и понятную.

Я хорошо помню, как Саша привёл меня к могиле Лежена. Стоял яркий летний день, сияли лужи, кажется, ночью шёл дождь — вот это обновление, чувство свежести — и природы, и Сашиных неожиданно сильных чувств, запомнил я.

На могиле лежали цветы. Неподальёку выстраивались в смешном волнении октябрята — их должны были принять в пионеры здесь, возле могилы коммунара. А Саша рассказывал мне подробности, задавал вопросы — уже не мне, а себе — с кем приехал Лежен, когда оказался в Союзе, как складывалась его судьба.

— Поэма, — сказал я ему тогда, — сама идёт тебе в руки.

— Что ты, — завозмущался он, — я ничего не знаю.

— Так узнай!

Подступы к теме заняли у него не дни, а годы. Он кряхтел и охал, как, мол, без французского, да где архивы. Потом как в омут бросился, даже, кажется, поэзию отставил.

Забавно всё же устроен человек: начав свои разыскания, новую для себя, важную работу, Саша вроде сам изменился — стал собраннее, энергичнее. Задумчивость сменилась организованностью, лиричность — увлечённостью.

Он приезжал в Москву, с утра проваливался в её круговороты, вечером являлся измученный, но сияющий: каждый день в этом городе он проживал с завидной уплотненностью — встречи, зацепки, звонки, находки! Вместе с ним

поражался и я: какие же таит Москва ресурсы исторической памяти, знаний, истоков.

Это Саша меня, а не я его познакомил с известным французским историком Морисом Шури, с удивительной женщиной Татьяной Федоровной Редько, вдовой художника, написавшего последний портрет Лежена. А сколько иного, бесконечно интересного, не имеющего отношения к Парижской коммуне, но имеющего отношения к духу человеческого, подарил он мне тогдашними своими краткими набегами на Москву.

Однажды он сообщил мне, что прах Лежена перевозят на родину, в Париж. Разве это не справедливо? Кажется, именно тогда он решил писать не поэму, а прозу о Лежене.

И опять всё не просто: узнал – написал.

Нет, он не торопился садиться за стол. Время съедали письма, идущие из Новосибирска в Париж или Москву и обратно. Но что поделаешь – необходимы подробности, уточнения.

Будущая книга требовала долготерпения. Она задумывалась как документированная проза, где возможны версии, предположения, но недопустимо пустое сочинительство.

Не каждому достанет характера, чтобы не разувериться, не отступить. Сашу настигали подобные чувства. Он отключался, занимался другим, потом возвращался к начатому.

Стали появляться очерки – наброски будущей книги. Постепенно они слились, образовав как бы круг. Теперь следовало переосмыслить материал, заполнив пустоту круга – сесть за стол и начать всё сначала.

Увы, как это часто бывает, книга осталась лишь в чертании, в абрисе.

Заболело сердце, Сашу увезли в больницу. Инфаркт последовал за инфарктом.

Он умер сорока шести лет от роду.

При жизни Саши вышли четыре тоненьких книжки его стихов. После его ухода стараниями, трудом и любовью Сашиной вдовы Ольги Михайловны, “единственной любимой женщины”, всеобщей любимицы Олечки, свет увидели еще пять (!) полновесных книг.

Нам удалось добиться присвоения имени Александра Кухно библиотеке в ближнем от города поселке Криводаново, и Оля постоянно бывала там как исполнительница Сашиного завещания. Которого, кстати, не существовало и не могло существовать. Но вот наследство – библиотека его имени – живет как знак извинения жизни за слишком ранний уход поэта.

Увы, уже после Саши годы не пощадили, нанесли осиротевшей семье новые необратимые потери: умер его отец, что естественно, потом один за другим ушли оба сына – Сергей и Андрей.

Низко кланяюсь Олюшке, Ольге Михайловне, перенесшей эти немислимые испытания и явившей всем, кто её знал, высоту духа, высоту преодоления бедствия, с которым справиться невозможно, но которое можно чуточку осветлить, совершая поступки, движимые верностью и любовью.

...А потом пришло последнее из скорбного: скончалась Ольга. Ком стоит в горле – исчезла, истаяла вся семья поэта Александра Кухно. Какая-то беспощадная, недобрая сила вырвала с корнем этот рождённый для счастья, цветущий когда-то семейный куст.

Как же это горько!

Так случилось, что я побывал у могилы Адриена Лежена ещё раз. Теперь это было кладбище Пер ля Шез, в двух шагах от Стены коммунаров.

У этой стены расстреливали бойцов парижских баррикад. Лежен уцелел тогда. Из середины девятнадцатого века последний парижский коммунары принёс в дни сопротивления фашизму память и дух свободы. Не как борец, а как символ борьбы.

Я поклонился Адриену Лежену. Положил ему на камень гвоздику.

И, конечно, я думал о Саше.

Один великий француз написал когда-то:

“Ни то, что предшествует смерти, ни то, что за ней следует, не является её принадлежностью”.

Имя француз – Монтень. Мысль его, как мне думается, имеет отношение ко всем нам.

Александр

Так вот. Александр Кухно, поэт и просто добрый человек, прожил всего 46 лет, а эта публикация нашей переписки готовится спустя много лет со дня его ухода... Это не просто много, не только — долго. Оказалось — целая вечность, в которую уместился разлом нашей великой державы, смена ценностей — какая ранимость, какая совесть? Высота личности ныне поверяется толщиной кошелька, наплеви́змом на иных, недостигших, и полным душевным небрежением ко всему, кроме личного преуспевания. Грешным делом, начинаешь подумывать — а может, Господь духовно оберёт многих из многих, особливо любимых, от этой ломки — досрочно закрыв очи их...

Словом, Саши, Санечки, Санька, милого нашего, любезного друга нет очень давно, и вдруг публикуются его стародавние письма к нам с женой Лилей и наши, чаще — мои, такие неактуальные теперь письма к нему.

Зачем эта публикация? Зачем ворошить бумаги — эти поздравления с Первомаем и Великой Революцией, эти суждения о собственных столкновениях, поиске истины, новых (тогда) стихах и отношениях с другими людьми, которых давно уже нет.

Что это — архивные изыскания, дань отгоревшей дружбе?

Ну что ж, может быть и так. Но нет большого греха в добрых воспоминаниях. Памятью об ушедшем и жив человек, пока он жив. Минувшее, даже тяжкое, непростое, по прошествии лет как бы отряхивая с себя подробности, самые печальные в том числе, предстаёт в сознании всегда просветлённым, полным надежд, часто, кстати, осуществленных. А если они и не исполнились — это тоже выглядит полегче, не одолённой тяготой, а утешением: ведь не всё подвластно нам. И всё же менее всего хочется, чтобы публикация этой переписки рассматривалась только как поклон прошлому. Мне кажется, в письмах довольно стенаний, но и немало надежд. В них заключено, по крайней мере, десятилетие жизни, в которой оба мы прошли испытания: я — нелёгкую болезнь, Саша полупубличную подозрительность власти, мучительные, затяжные паузы в поэтической работе.

Надеюсь, что читатели, помнящие те времена, обновят свои молодые когда-то чувства, а новые поколения из этой, во многом житейской, переписки узнают, что нынешние их искания проходили и мы, их предшественники — в других, как говорится, измерениях, и всё-таки по существу одинаковых страданиях, похожих радостях, родственных печалях.

Местами я должен буду делать короткие комментарии — без этого не обойтись, тем более что именно и лично я стоял у истоков не только Сашиных радостей, но и огорчений.

В 1966 году, когда началась наша переписка, Саше было 33 года, мне 31. Закончилась она, когда ему было 45, а мне 43 года. Однако узнали друг друга и подружились мы раньше, в 1964 году.

И всё же Сашиною начала я не знаю. Всё выяснялось постепенно, порой стихами, и было бы неразумно полагать, что его жизнь и есть то, чему я стал прямым или косвенным свидетелем — ни в коем случае. У него были родители, и мать, и отец, они разошлись, оказавшись разными по судьбе и духу, он рос с отцом, закончив школу, поступил в Новосибирский пединститут, где встретился с Ольгой. Тогда же начал писать стихи и быстро стал частью молодой новосибирской поэзии.

Я приехал в Новосибирск в январе 1964 года в качестве собкора “Комсомо́лки” по Западной Сибири, мне было 29 лет. До этого, начиная с декабря 1961 года, я работал главным редактором Кировской молодёжной газеты “Комсомольское племя”. А ещё раньше, с 1958-го — литературным сотрудником “взрослой” газеты “Кировская правда”. Киров — моя родина, покинув её, я отправился в неведомую Сибирь, с единственной привилегией — представительством центральной газеты.

Годы были молодые, будущее в то время совсем не беспокоило, однако главная цель, которую поставила передо мной редакция, оказалась вовсе не простецкая — наладить отношения с руководством, да и всем научным миром, блиставшим тогда в новосибирском Академгородке.

Приехав в сибирский миллионник, я стал энергично устанавливать самые разные связи — в Академгородке, в кабинетах власти, в редакциях местных

газет, издательстве, журнале “Сибирские огни” — вот там-то, в коридоре, я и столкнулся с Александром Кухно.

Узнав, что я пока один, живу в гостинице и только ещё пробиваю квартиру — корпункт, куда должен буду привезти жену с сыном, он проникся ко мне сочувствием, мы несколько раз погуляли по городу. Не мог не восхитить меня театр оперы и балета, открытый в самый разгар войны. И, конечно, удивила могила последнего парижского коммунара Адриена Лежена в центре городского сквера.

Тогда это поразило — просто как факт.

Потом приехала моя семья. Лиля, моя жена, бывшая телевизионным диктором в родном городе, здесь поначалу подобной работы не нашла и устроилась в детскую библиотеку. Сын пошёл в детский сад. Сказать откровенно, чувствовали мы себя довольно неуютно. Я мотался целыми днями, выполняя и задания редакции, и осуществляя собственные газетные замыслы, потом отписывался, диктовал стенографистке в Москву свои материалы — ведь я и в “Комсомолке” был пришлым человеком, которому ещё только предстояло сформировать свою соборовскую репутацию. А близкие мои страдали от изолированности, от одиночества. И вот однажды “Кухны” позвали нас к себе в гости.

По молодости, как известно, дружба возникает просто так, без видимых к тому внешних причин — из симпатии, из доброго слова и простого человеческого интереса. Мы подружились, перезванивались, встречались.

Лилю пригласили на телевидение, теперь она была на экране до поздней ночи, и мы с маленьким Дмитрием ждали её возвращения как манны небесной. А дружба с Кухно, по счастью, не угасала, а, напротив, разгоралась.

Но в начале 1966 года меня забрали на работу в Москву, в аппарат ЦК ВЛКСМ. В отделе пропаганды я “ведаль” целым букетом молодёжных газет центральной России, но был на мне и ещё один груз — литература молодых.

Квартиру в Москве я ждал восемь месяцев, следовательно, семья оставалась в Сибири, а я холостяковал по гостиницам. В ту бездомную пору вышел всё же мне и фарт. Оставаясь по вечерам один в цеховском кабинете, я писал свою первую серьёзную повесть “Чистые камушки”.

С делами “младолитературными” мне тоже повезло: комсомольское начальство, а вслед за ним и Госкомиздат РСФСР, поддержали мою идею издать в Новосибирске 50-томную библиотеку “Молодая проза Сибири”.

Параллельно “конструировались” и другие проекты. Был придуман обменный фестиваль молодых поэтов ГДР и СССР: сначала совместная делегация должна была поехать по нашей стране, в том числе слетать в Сталинград, а в конце года та же группа в том же составе — совершить поездку по ГДР. Советские и немецкие поэты выбирались заранее, с условием, что переведут стихи друг друга, ведь их станут читать аудитории, не знающим иностранного языка — немецкого в одном случае и русского в другом.

Идея была принята. С нашей стороны в делегацию входили такие известные уже поэты, как Лариса Васильева, Владимир Костров, Олег Дмитриев, Феликс Чув, Аида Федорова из Красноярска...

Я предложил включить в группу и Александра Кухно.

Саша вошёл в ряд более чем многообещающий — только работай, только пиши! Я искренне хотел продвинуть Сашу во всесоюзный поэтический ряд — эта поездка могла стать, — и стала для остальных, — взлётной полосой. Ничего плохого в этом не было и нет. Комсомол тогда себя так и позиционировал — помогать молодым — строителям, космонавтам, учёным, прозаикам и поэтам.

Так что в ту пору мне приходилось заниматься делами приятно неожиданными. Я, например, готовил документы — решения ЦК ВЛКСМ — об учреждении новой награды — премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства. Готовил — не в одиночку, конечно — поездку молодых писателей к Михаилу Шолохову. К слову, группу эту на последнем этапе возглавил сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлович Павлов, навеки мною глубоко почитаемый. А главным героем той встречи у Шолохова стал Юрий Гагарин.

В Сталинграде (Волгограде) мы, ехавшие к Шолохову, пересеклись с делегацией поэтов СССР и ГДР, где был и Саша. Той, поэтической, бригадой “управлял” мой коллега по агитпропу ЦК комсомола поэт Вадим Кузнецов. Одна из встреч с молодыми читателями получилась у нас общей. Было суетно, хлопотно, с Сашей мы поговорили лишь мельком.

Лично я до Шолохова не доехал – попросил у начальства отпустить меня в Москву, доделать какую-то “важную” бумагу. Честно говоря, не хотелось мне быть в роли некой, всегда ответственной за мелочи и всегда виноватой, шестерёнки. К тому же иной молодой писатель на радостях отрывался по полной – пьянствовал, иногда до полуобморока, нёс околесицу, и мне не светило торчать возле этих “бойцов” и строить их в талантливые, но нетрезвые шеренги. Впрочем, это мои личные мелочи. Команда поехала в Вешенскую, а я в Москву, и до сих пор жалею, что не пожал руку Шолохову и Гагарину.

Тем временем, русско-немецкая поэтическая бригада из Сталинграда вернулась и на некоторое время разъехалась по домам, чтобы в декабре встретиться снова, уже для полёта в ГДР.

Наступает осень, и вдруг, буквально за несколько часов до отъезда поэтов, меня вызывает секретарь ЦК комсомола Александр Иванович Камшалов и объявляет, что я назначен руководителем поэтической делегации в ГДР. Вместо моего коллеги по отделу Вадима Кузнецова, который, собственно, всё это и готовил. Я удивляюсь, отказываюсь, как могу, считаю, что это несправедливо. Ничего не объясняя в деталях, Камшалов говорит мне, что это, наконец, настоятельная просьба и всё дело именно в Кузнецове. Естественно, “Кузя”, такова была его “подпольная” кличка, накинулся на меня – лучшего придумать не мог, хотя более чем очевидно, что где-то в предварительной поездке проколовся сам. Болтнул лишнего, хвастанул, может быть... Додавливая меня, Камшалов сказал, наконец, что Кузнецов не поедет в любом случае.

Однако это было лишь предисловие к главному.

Столь же неожиданно, как Камшалов, меня зовет второй секретарь ЦК Борис Николаевич Пастухов. В ту пору он был довольно суровым человеком, дублировал первое лицо, за него же исполнял, как сказали бы теперь, “непопулярные решения”. Говорил Борис Николаевич резко, чётко, решительно, а это всегда вызывало трепет.

Пригласив сесть, он спросил меня уже как руководителя делегации поэтов:

– Кто включил в делегацию Кухно?

– Рекомендовал его я.

Он облегчил интонацию:

– Расскажите подробнее.

Я уже просёк, что дело неладно, что второй человек комсомола не будет без очевидных причин интересоваться провинциальным поэтом. Но, подкрепляя свою уверенность, сказал о Саше самые хорошие слова – работает в “Сибирских огнях”, впечатляющий лирик, из сибиряков – один из достойнейших. Жму на понятия – сибиряк, учитель по образованию, работает с молодыми, в своем городе любимый поэт.

Между тем гляжу, на столе у Пастухова – Сашкина книжка с закладками. Борис Николаевич открывает её, листает, но не цитирует, не ссылается ни на что, говорит мне, – будто в поддых бьёт. Правда, теперь формулирует мягко, сбавляя обороты:

– Придётся исключить его из списка.

Потом, переходя на доверительные интонации:

– Лично Андрей Павлович Кириленко познакомился с этой книжкой и высказал резкие замечания. Считается, что парень незозрел для такой поездки.

– Борис Николаевич! – не то чтобы возопил, но воскликнул я. Но он не дал мне продолжить.

– Это решено. И, как ты понимаешь, не в этом здании. Но...

Он сделал небольшую паузу, глянул в окно.

– Если парень искренний, талантливый, как ты говоришь, его не надо бросать. Надо позвонить в обком, деликатно объяснить, попросить о дальнейшей поддержке. Никаких репрессий. Напротив... Я прочитал эту поэму, “Море”! Ничего особенного не нашёл...

– Конечно! – взвился я.

– Ну не заводись, – осёк Пастухов. – Ты ему веришь?

– Безоговорочно!..

– Вот и хорошо. Помогай. Поддерживай. Если надо, ссылайся на меня.

Я чувствовал себя полным дураком. С одной стороны, назначен вести делегацию. С другой – снимаю Сашу. Как ему сказать? Он уже в Москве.

Не было тоскливей разговора. Саша побледнел. Тоже ничего не понимал. Так мы с ним оба до конца ничего и не поняли. С поездки снят, причины ка-

кие-то веские, что-то не так в поэме “Море”. Но никто — ни мне, ни ему — ничего внятного не сформулировал. Много лет спустя я узнал, что тогдашний первый секретарь Новосибирского обкома партии Фёдор Горячев при обсуждении на бюро Сашиной поэмы (автора на эту разборку не позвали!) что-то невнятное сказал про Сталина — дескать, ему верили, и так было, что же делать?.. Но велел — поэта не трогать.

Не трогать... Поэт не должен — не может! — как нить за иглой, во всём следовать за нуждами власти. Только что был Хрущёв, с его разоблачениями культа, потрясшими страну, и требовалось — разрешалось! — одно. Но анти-сталинская оттепель хрущевская закончилась. Его убрали — и новой власти потребовалось другое.

Что они имели в виду, незримый в тот миг Кириленко, и столь же незримый Горячев, служившие менявшимся правилам? Сие неведомо, но осмелюсь предположить, что со сменой эпохи утомившим всех Хрущева изменилась ценность знаменитого закрытого письма, да и самого XX съезда партии, где Сталин был посрамлен и его оценка не то, чтобы переменялась, но стала неактуальной, несвоевременной для того времени. И, может, справедливо. И были, наверное, отчеркнуты сбоку стихи безвинного поэта, описавшего в “Море” такими словами эпоху:

*Когда ни матери, ни сына
за-ради красного словца
не пощадит сама Россия
во славу грозного “отца”;
когда тебя*

*с твоей любовью
разлучит ханжество друзей
и ты не скажешь, что любую
ценой соединишься с ней,
но сокровеннейшей из книжек
сам, как могильною плитой,
накроешь то, что дышит — дышит! —
и борется с неправотой;
когда пройдешь с толпою сырых
одной дорогою морской,
еще не растерявший силы,
уже сроднившийся с тоской
семей изломанных и ранних —
несостоявшихся семей,
которых нынче на собраньях
попробуй воспитать, сумеи! —
тогда поймешь, поймешь как надо,
что значит — сердце под замком...
Где чувства только для парада,
там зло возводится в закон;
где капли,*

винтики,

песчинки,

*а не живые существа,
там не любовь — одни бесчинства,
там трын-трава все острова.
Но, может, потому и живы
моя любовь, мой костерок,
что кто-то шел сквозь все режимы
и просто каплей быть не мог.*

А между прочим, автор посвятил эти строки реальным людям, патриотам Отечества, испытавшим горечь унижения репрессиями — разве этого не было? Он назвал в сноске конкретные имена: Г. М. и Н. П. Медведевы, О. Коваленко, А. Н. и О. М. Алексеевы... Иначе говоря, поэт указал источник, сделал объективные отсылки к реальным судьбам. Но, как почти всегда происходит, понес наказание сам: мол, не суйся.

Одним словом, Саша попал не в струю. Он тяжело это переживал. Не хотел понимать, за что? В чём претензии власти к одному из самых сильных и честных его творений?

Поэму больше не печатали, но до самой своей кончины Саша читал отрывки из неё на своих поэтических вечерах.

А тогда, как мог, я старался утешить друга, перевести его мысли на иные рельсы. Мне казалось, что история Адриена Лежена, последнего парижского коммунара, с балкона гостиницы “Сибирь” провожающего на фронт сибирские полки, это настоящая поэтическая удача для Саши.

Кажется, она увлекла и его. Он занялся поисками материалов о Коммуне, о Лежене.

Пока мог, я помогал ему из Москвы “технически” — вызывал в командировки за счёт обкома, ЦК комсомола. На путях долгого Сашиного поиска следов Лежена я познакомился с милейшей Татьяной Фёдоровной Редько, написал о её муже, художнике, большой очерк “Конспект судьбы”, а потом и рассказ “Каждый год, в сентябре”. Что касается Сашиной книги о Лежене, то он не успел её закончить. Свет увидели отдельные очерки, их накопилось немало, но они во многом повторяли друг друга, Саша никак не решался приступить к тексту художественному, избрав жанр, где есть место вымыслу, его тянули к себе документы, фактические подробности, а такие труды требуют иных, может, на целую жизнь, разысканий. Но жизни не хватило, и хотя Оля после ухода Саши скомпоновала солидное издание, куда вошло всё, что он успел, плюс дополнительные тексты — письма, ссылки, направления поиска, “Жизнь под красным знаменем” оказалась лишь прологом или, лучше сказать, конспектом так и не состоявшейся Сашиной книги.

Но все эти годы катилась наша переписка с Сашей...

Превращалась в дружество, к счастью, оставшееся жить в письмах. И в наших сердцах.

Письма Александра Кухно Альберту и Лилии Лихановым

А. Кухно — А. и Л. Лихановым

8 сентября 1966 г.

Лихановы, ау!

Поздравляем с новосельем, поздравляем дражайшего нашего друга Альберта с днём рождения, желаем вам счастья, всяческих благ, творческих успехов!

Алик, дорогой, если б ты только знал, как хотелось попасть в Москву в сентябре! Но жизнь — пресволочнейшая штукавина — всё не разворачивается как надо. В планах мне места не нашлось, а вот без планов, оказывается, можно; бросили мне кость ничтожную, а грызть велено, что есть мочи — к 1 ноября с. г. положить рукопись на стол. Ничего, как-нибудь разгрызём! В редакции досиживаю последние дни. Страшно, а уходить надо. Впереди темно и безрадостно — бюджету на 1–2 месяца. Креплюсь и пишу грустные стихи. Верю в доброе завтра, в свои силы (которые, увы, на пределе), верю, что встретимся скоро, и я отчитаюсь перед тобой стихами и не буду ныть. Дома всё по-прежнему, живём ладно, с периодическими мелкими хворями то у одного, то у другого. Берегите Димку, будьте здоровы, не торопитесь обзаводиться мебелью, а торопитесь радоваться, что вы москвичи, черт возьми, писатели, артисты!..

Пиши прозу, дорогой, пиши хорошую прозу!!!

Я в тебя шибко верю после повести “Вам письмо!”. Не болейте, не ругайтесь. Обнимаем вас крепко. Целую тебя, заступь мою, трижды, по-русски.

С днём рождения!!! Выпейте за меня и за нас, и за Сибирь по рюмашечке. Мы пока постимся. Эх, чёрт возьми!..

Алик, ты обещал мне прислать книжку Пальма о Лежене. Вышла она? Очень-очень нужна. Сообщи мне по координаты.

С. К.

Алик, дорогой!

Да когда же это Кухно писал стихи так, чтобы взять и прислать с десяток? Такого ещё не было, и я плохо верю в то, что такое когда-нибудь будет, но уж если будет — всё, дорогой, всё до последнего десятка, до последнего куплета будет лежать перед тобой на столе. Слухи о моих успехах абсолютно неверны, и ты, я думаю, всё-таки поймёшь, что только стыд и хандра не дали мне вовремя (несколько дней тому назад) ответить тебе.

Сегодня ровно месяц, как я ушел из редакции¹. За это время я написал всего пять стихотворений. Это очень мало, если учесть, что до сдачи книжки осталось 15 дней!.. Но, дорогой мой, ведь я никогда не писал и по пять стихотворений, и в течение года перед этим вообще не написал ни строки; вымотан я совершенно, а когда над тобой занесён меч — такой железный, идиотский срок и нищета — какие тут к чёрту полезут стихи! Ольга своей нервозностью и страхом только подливает масла в огонь, получается скверно, друже, скверно! Я, конечно, креплюсь, но башка пустая, в значке ни одной детали, ни одной мыслишки, и тоска — страшная! Я же никогда не был один, без работы, вот так — лоб в лоб с пустотой, а главное — вокруг — никого. Иногда ухожу в лес. Кажется, это здесь единственный друг. Далеко ухожу, беру с собой каких-нибудь знакомых, ребятишек, им нравится — и мне малость легче. Но у нас уже снег. В городе ещё тает, но в лесу — снег, опадают последние листья, и калина — совсем голая — ни листочка, одни багровые кисти на голых веточках, — уже сочная, сладкая.

Вот Вам один из пяти стихов, который нравится Ольге и который пришёл в одну из моих трудных ночей.

*В ночи горит Полярная звезда.
Схватить её, намеченную слабо,
раздуть, разжечь — не уходи с листа,
я пригвоздил тебя, печаль моя и слава!*

*Пусть пальцы жжёт расплавленный металл —
заглавный лист неначатой тетради.
За то, что я на север не летал.
За то, что милых по головкам гладил,*

*боялся бросить их на глубину
и сам у бережка топтался вместе с ними.
Сними с меня, звезда, мою вину.
Никто как ты, звезда, её не снимет.*

*Давно мои промчались поезда
и самолёты отлетали к полюсу.
Я сам себя, Полярная звезда,
приговорил к умеренному поясу.*

*Далеким путешествиям — каюк.
Проверочных не будет экспедиций.
Мои друзья — мне самый тёплый юг.
Моя работа — мой Полярный круг.
Заветный полюс — белые страницы.*

*Любимыми, как прежде, дорожу.
Когда, сосредоточенно-рассеян,
я ухожу в себя — я ухожу
на необжитый и опасный север.*

*Свети, звезда Полярная, спеши
мне осветить высокими лучами
все тайники, все хитрости души,
все радости мои
и все печали!*

Ну, а как тебе поработалось, дорогой? Представляю, какая там была красотища, под Москвою. Сколько лет я собираюсь побродить по России, да всё не получается. К будущей осени, может быть, удастся повидать что-нибудь из заветного — Владимир, например, Ярославль, подмосковные леса, Псков, Михайловское... я читал по радио один стишок, про луну. Поскольку ты его слышать не мог — посылаю и его (совсем не для печати), а то подумаешь ещё, что я и радоваться разучился.

...и жизнь, и слёзы, и любовь.

А. П.

*Это ж чудо из всех чудес —
лунным светом залитый лес!
Каждый куст над рекой, каждый прутик в бору
я не хуже чем днём разберу.*

*Добрый месяц колышет в реке невода —
и озвучена светом вода.
Никому, ни за что вот такого следа
не врубить на Земле никогда.
Лунный свет —
это чёткие контуры сёл.
Это звон бубенца в тишине.
Я не слыхом слышал,
я не в книжке прочёл
о берёзово-лунной стране.*

*Я любил под луной,
горевал под луной,
под луною родимой умру.
Всё, что пело во мне,
всё, что было со мной, —
так считаю,
что было к добру.*

*В серебристую пряжу высокой луны
упадёт золотой лепесток —
то ли песни запев,
то ли гребень волны,
то ли всей моей жизни итог...*

*В лунный свет перейду,
упаду, промелькну...
За какую такую вину
мне из тысячи лун
всего лишь одну
приходилось любить луну.
Будет плыть над Землёю другая луна,
и другие придут времена:
тишина —
да не та,
красота —
да не та,
и не та для луны высота.*

*На бетонных площадках,
на гранях ракет
всё такой же — таинственный свет.
Только память далёких,
минувших ночей
для влюблённого сердца звончей:*

лунным светом прошитые сосны
звенят,
и на том световом сквозняке,
оступаясь,
вбегает в Михайловский сад
безрассудная юная Керн.
Берегись!..
эту ночь переплавит в века
негритянская жаркая кровь.
Догорает свеча...
Замирает рука
перед точкой,
на слове — любовь.

Раз уж начал печатать для вас стишки, отпечатаю ишо один, бодренький.

Оставил службу..
Город — как музей:
ходи, глазей,
да ничего не трогай.
Всё уже круг
знакомых и друзей.
И все они бегут
своей дорогой.

Не останавливай.
У них свои дела.
Гони строку,
над рифмами старея.
Как ни была разлука тяжела
с товарищами —
позабудь скорее.

Случайный друг,
случайные слова,
случайная —
на десять лет! — работа.
Не говори, что песня чуть жива.
В молчаньи долгом не вини кого-то.

Живи как жил —
со всеми наравне.
Охотничий не нарушай обычай:
когда придёшь с добычей на ремне —
пускай другие тешатся добычей.
Пускай охоту превращают в блажь.
К чему считать ничтожные доходы?
Ты отдал всё,
быть может, жизнь отдашь
за право постоянное охоты.

Тебе ль не знать, куда ты угодил?
Ты в самом центре замкнутого круга.
Шагай смелей!..
Не то и впрямь — один
останешься без песни
и без друга.

Вот так-то, старичок, когда начинают писать стихи на тридцать пятом году. Остальные два стихотворения не посылаю: они очень длинные, чересчур

длинные, длиннее коровьего кишечника, как говорит Е. К. Стюарт, и очень, очень грустные, хотя и слабые, просто никуда не годно! Одно из них, например, начинается так:

*Сколько зим по задворкам чужим,
сколько лет по лесам, по лугам
обходили мы строгий режим,
ты — бродяжка,
и я — хулиган!..
От семнадцати до двадцати —
ни угла, ни родного тепла:
не в чести у родных,
не в чести
наша горькая нежность была.
Наплевать нам на строгости тех,
для кого мы никто и ничто!
Наши слёзы прошли через смех,
словно дождичек сквозь решето.
Мы смеялись над нашей бедой.
Горевали над счастьем своим.
Если ты и была золотой,
вовсе не был я золотым.
Ах, как трудно бывало со мной!
А с тобою-то как нелегко!
Неродные — они за стеной,
а родные — совсем далеко.
И смешно, и грешно — вспоминать,
как тебя на двадцатом году
называю торжественно “Мать”
и к барыжке в хибару веду.
А в округе шпана да жульё.
А в окошечке свет слюдяной.
Ай, хибара — лихое жильё,
за приступочкой — пол ледяной.*

*Ай, барыжка — чужая родня!
Мы за то благодарны судьбе,
что с ребёночком день ото дня
всё теплей становилось в избе.
Низко кланяюсь женщине той —
из душевных и самых простых.
Обернулась чужой добротой
равнодушная строгость родных...*

В общем, старик, тут столько нытья, что и писать не хочется. И всё это имеет прямое отношение к детям. “Мне тревожно (уже, уже тревожно!) за наших детей”.

*Неужели уйдут за порог
и кому-то расскажут о том,
что никто из родных не помог
им выстраивать собственный дом!*

Никого я сейчас не вижу, да и не хочется видеть. Фояк² на военных сборах на Дальнем Востоке, Чикин³ тоже. Стюарт⁴ лежит с инсультом в клинике. 60 лет её отмечали в палате, на сухую. Юбилей отложен на неопределённое время. Старушка держится молодцом. Вот уже месяц. Иногда мы с Лёлькой бываем у неё. С Колей Самохиным⁵ мы видимся очень редко, а разговариваем по-товарищески и того меньше. Сейчас он болен и тоже угодил в больницу, на исследование. Что-то с печенью или кровью, толком не знают. Константиновского⁶ не видел уже год. У Раппопорта⁷ умер отец. Сейчас в Новосибирске

гастролирует Соснора. Не виделась. Ему не до меня. А меня тоже что-то не тянет. Вижу Конькова⁸ и Чернышёва⁹, на днях были на дне рождения у Нины Греховой¹⁰, в Мочище. С нею, по-моему, очень плохо. Вот бы кому надо помогать, да некому!.. Влюбилась в какого-то проходимца из Челябинска и ре-вёт целыми днями и при всех. Родные за неё боятся. В доме теснотища и бедность. Дважды уже срывалась с занятий в институте (она на 4 курсе иняза, удирала в Челябинск, а там, кажется, просто негодяй и бездельник, который и себя-то прокормить не сможет). Нельзя ли её засадить за какую-нибудь работу, может быть, вызвать на время в Москву? Девка она способная, жаждет переводить с французского, да и свои стихи у неё – ничего. Помнится, Володя Милютенко¹¹ говорил о каком-то издании Греховой, о рукописях её и Плитченко¹². Кто должен прислать эти рукописи, куда, через кого, какие рукописи? Почему-то разговор оказался без продолжения. А она об этом знает. В общем, этого тяжело большого человека, мне кажется, сейчас очень важно было бы поддержать морально! Причем, срочно!

Очень хочу почитать твою прозу. Пришли какую-нибудь копию хотя бы, расскажи хоть малость о своей работе, я же не болтун, должен же я знать, чем ты там занимаешься. На телефон Самохина вызывать меня не надо – я в этом доме не был уже больше года. Лучше предупреждать через Расстегняеву¹³, я всегда подъеду.

Москва! Москва! На писательском съезде¹⁴, конечно, интересно побывать хотя бы и гостем. Но в таком состоянии, в каком я сейчас, я не хочу видеть ни Москву, ни писателей. Надоело приезжать в столицу, в очень дорогую мне, горячо любимую столицу, – с пустыми руками. Это всегда больно. Дорогой Алик, если хоть что-то проклянется у меня за ноябрь и начало декабря, я крикну во всю глотку: “Алик, дай мне гостевой билет! Алик, вызови меня в Москву!” Сможешь ли ты тогда это сделать? Пока этого не надо делать, потому что я и сам не знаю, что со мной будет в декабре.

В какую это за границу понадобились мои вирши? Зачем? Ничего я отобрать не могу. Тут важно знать и язык, и страну и на какой предмет.

Ну, старик, если мы будем обмениваться такими посланиями, через год-два, пожалуй, можно будет издать избранные места из переписки А. А. Кухно с А. А. Лихановым; или наоборот – А. А. Лиханова с А. А. Кухно. Всё-таки здорово, что ты прислал мне хорошее, такое длинное письмо. Я был тронут так, что ни слова никому не мог сказать, о чём там письмо: “Хорошее – и всё!”

Ребятишки учатся по-прежнему музыке и рисованию, в школе стали немножко хуже. Все здоровые, и вы не хворайте, обнимаю. Привет Лиле. Ольга держится за плечо и наносит поцелуй в лысину, дабы передать его вам. Всех целую, всех обнимаю, будьте счастливы! Пишите!

С. К.

P.S. Алик, это очень важно: всё о Лежене, всё, что только можно достать у Пальма¹⁵ или через Пальма! Ведь книжка у него на Украине вышла, или выходит? Чего же ему бояться? Каким конкурентом может быть поэт для исследователя или журналиста? Я этого никогда не понимал и не пойму! Всё, что я знаю, никто у меня отнять не может, и я считаю своим долгом отдавать всё, что я знаю – берите, исследуйте, дополняйте, опровергайте, знание – это не личная собственность, скрывать открытое – грех, преступление! Видел я таких “учёных” однажды, которые как собаки на сене по 10, по 20 лет “сидят” на фактах, не в силах их ни обобщить и опубликовать, ни поделиться с другими, действительно учёными. Гады, сволочи!!! Я бы их привлекал к уголовной ответственности за научный, политический, нравственный, культурный и прочий ущерб, и судил бы строже, чем за бандитизм. К Пальму, конечно, это не относится. Но вообще явление это отвратительное. В результате гибнут огромнейшей ценности исторические, литературные, политические, научные материалы, документы, исследования, творческие работы, существует, кормится огромная армия прохиндеев – всей этой около-литературной, около-научной, около-партийной “интеллигенции”, которая по сути своей глубоко враждебна и культуре, и партии, и народу. После встреч с такими “учёными” создается впечатление, что многие документы уже разворованы и уничтожены, дабы замести следы, а что-то сохраняется в тайне – в чисто корыстных, личных интересах. У меня нет секретов от учёных и писателей моей страны, от моих друзей. Всё, что я знаю, всё, о чём хотел бы написать – нате, пишите, меня не убудет. О Лежене¹⁶, к сожалению, я знаю очень мало, а как хоте-

лось бы знать. Всё, что я знаю, это три полсы в “Комсомолке” за 1961 год – за подписью А. Пальма, А. Нуйкина¹⁷ и А. Елкина¹⁸. У Елкина наверняка ничего нет. У Андрея Нуйкина хорошо бы спросить, кто давал им материалы, где их искать, с кем они встречались, кто жив в СССР из друзей Лежена, что известно о нём во Франции, не выходила ли там книжка о Лежене, что публиковалось там и у нас о нём в 20-х годах, в 40-х годах? Развёрнутая телеграмма Андре Марти 1942 г. в Новосибирск, вероятно, представляет собою сокращённый вариант биографической статьи, опубликованной во Франции. Есть ли “Юманите” за январь 1942 г. в Москве, выходила ли тогда эта газета? Если выходила, в ней не могло не быть материалов о Лежене. Существует ли архив МОПРа, хранятся ли в нём материалы о Л.? Архив КГБ Н-ской области ответил, что они были переданы туда. Кто такая Аделина Николова, жива ли она (близкий друг Лежена, прилетала на похороны)? Мне, как поэту, как бы достать и прочесть одну книгу – русскую, украинскую или французскую – всё равно. Алик, если такая книга существует, ради бога сделай так, чтобы она попала ко мне – в любом виде, на любом языке – рукописи, напечатанная или в фотокопии. Если такой книги нет, готов ринуться на помощь в создании такой прозаической книги, даже без имени на обложке и титуле. Но чует моё сердце, что даже во Франции нечто подобное уже есть. А заниматься мне сейчас исследованиями “по выбитым следам” и обидно и просто не по силам¹⁹.

P.P.S. Старик, не унывай! В Москве, конечно, много всякой мрази, но и хороших людей – тоже много, надо только приглядеться, найти их и не терять из виду.

Ещё раз обнимаю, жму лапы, трижды целую.

Твой Сашка Кухно.

P.P.S.S. Андрей Нуйкин – корр. “Правды”, бывший новосибирец, вместе учились, знает меня не хуже чем Пальм. Впрочем, что они теперь собой представляют, как отнесутся ко мне – не знаю.

Посылаем на память “Новосибирск”. Не забывайте. У Ботанического сада теперь вырос дом престарелых и в сад, в лес возле вашего дома не войдешь. А у подъезда, где мы с Лилей вбивали колышки – ограда из железных трубок. Деревца растут, и колышки торчат, только ленточек нет – наверно, девчонки на косички пообрывали.

Будьте счастливы!

27 декабря 1966 г.

Алик, Лилюша!

Дорогие мои! Жизнь моя стала не жизнь, а чёрт знает что. Всё ждал возвращения... Ну и как? Да никак. Ничего-то я не знаю. Был у Владимирова²⁰. Он удивился, что я не в ГДР, ни слова о телеграмме не сказал. Была у него какая-то телеграмма? Стал выговаривать за моё интервью в “Комсомолке”. Это здесь оказалось ЧП. В общем, бросил камень в болото, на свою шею. Старики в обкомах жалуются, мол, оскорбил организацию и т.д. и т.п. Со всех сторон – только про это интервью и жужжат. Даже Стюарт, которая еле дышит, не читавшая заметку, битый вечер уговаривала, чтобы шёл извиняться в Союз. А в чём извиняться-то? Что рукописи и книги Лисовских²¹ и Смердовых²² надо так же обсуждать, как всех остальных? В Союзе до сих пор не был и маститых не видел, слишком это интересно и просто для них – и очень сложно для меня. Шибко уже кому-то хочется крови!

Вошла Ольга и объявила – завтра утром быть к 10 в обкоме ВЛКСМ. Кажется, начинается. А сегодня в издательстве новгородный вечер – и даже напиться нельзя! Лёлька не выносит и случайной рюмки. Злая стала невероятно. Первые 10 дней прожили здорово, всё обошлось, а теперь что-то сломалось. Стараюсь никуда не ходить. Навещают меня изредка Коньяков, Якубовский²³, Самохин, Толя Чернышёв. И ничего не пишу, ничего! Даже читать не могу. В страхе за будущий день, написал текст для журнала “Сибирь на экране”. Два дня убил – дело для меня новое. Ежели пройдёт – глядишь, тридцатка. Записался на радио – завтра должен прозвучать. Чуть рассказал о поездке с немцами в Сталинград, прочёл пару шедевров и своих три стишка. Пройдёт ли, не уверен. Достаточно кому-нибудь стукнуть – и всё! А стучат, ой как стучат!.. У нас всё это время были лютые морозы, за 40 градусов.

Ездил с литкружевцами и Фоняком выступать в клуб железнодорожников. Заработал – кусок рельса.

В общем, старик, хотя и трясу штанами, и самоедству моему конца не будет – стараюсь что-то делать. Самое насущное, кажется, удалось – получил остаток от 60% в издательстве – 500 руб. 200 раздал за долги, и на 2–3 месяца осталось. Был редсовет – Никульков²⁴, Смердов, Решетников²⁵, Фоняков и Абрам²⁶. Говорят, хорошо прошёл – вот и выдали. А нехорошо ему пройти нельзя было – Смердов и Решетников такие мои “друзья”, что уж совсем было бы неблагородно.

Дорогой, я знаю, что причинил тебе столько неприятностей, что дружить уже трудно, но я всё-таки верю в нашу дружбу – ведь я перед тобой на ладони, весь! И по-прежнему обращаюсь к тебе с просьбами.

Во-первых, узнать в “Смене” как можно скорее: будут ли они давать мои стихи? Там 6 неопубликованных стихотворений, которые забрал Морковкин-Богучаров²⁷. 3 декабря, когда он узнал от меня, что я еду в ГДР, его, по-моему, чуть не хватили кондрашка. В общем, я на него почти не надеюсь.

Во-вторых, всё, что можешь достать о Лежене, т. е. книжку или рукопись Пальма. Я должен уже приступить к работе, должен! Если не работать, жить так, как я сейчас живу – подохнуть можно.

В-третьих – самое главное: если можешь, поторопи И. Грудева²⁸ черкнуть мне о судьбе рукописи в “М. Г. ”. Читал ли кто-нибудь, он читал? Неужели и там меня не примут, забудут? Ведь Верченко²⁹ на прощанье говорил слова, говорил, что будет печатать, и слово за меня замолвит, перед Мелентьевым³⁰ и в ЦК ВЛКСМ.

И последняя просьба – напиши мне или, позвонив, расскажи подробнее, как съездил, всё ли у тебя удачно, не повлияло ли все это на тебя, на твою работу, жизнь и пр. Как Германия? Ребята довольны? Что они там обо мне говорили, что пишут? Очень жалко, что не распил с Калау³¹ в Берлине ту бутылочку московской, подаренную в последний день, что не увидел “рукавичку” Эггерса³² и красавца Кёнига³³. Ну, а Ваймар, Дрезден и все остальное – само собой так жаль, что и писать об этом глупо...

Вернулся ли В. Кузнецов³⁴? Большой ему от меня привет!!!

Милые мои, поздравляем вас с Новым годом, желаем счастья, радости, удач, хороших друзей, чтоб не подводили. Лилюше особая моя благодарность за добрую её заботу, за то, что вы, такие хорошие, есть на свете!!! Ты привез ей шубу? Обнимаем, крепко целуем, вас и Митеньку. Помяните и нас в Новый год.

С. К. О. К.

На днях попробую ещё написать.

А. Лиханов – А. Кухно

Декабрь 1966 г.

Здравствуй, дорогое нетипичное явление нашей действительности! Здравствуй, грешный Александр Антоныч, крамольное твоё перо!

А пишет вам сию писулю Ваш ученик и апологет, уже начинающий, как дрянной помидор, портиться, что и следовало ожидать!

Ну ладно, бог с тобой.

В начале сего письма хочу тебе сказать, чтоб не ныл, не хлюпал носом, не дёргался левым ухом, а был ты весел, жизнерадостен, бодр, а главное, писал бы стихи, делал книжки – равнялся бы на выпуклую грудь Фонякова.

И всё-таки нет худа без добра. Трудно, конечно, заглядывать вперёд, да ещё далеко, но чует моё сердце, что если ты будешь хорошо себя вести (в поэзии), то жить тебе будет легче. И при условии – что ты сам хоть палец о палец ударишь. (Правда, и это из тебя приходится выжимать.)

Говорил я о тебе с самыми высокими начальниками. Был о тебе разговор – аж выше некуда – и говорилось, что если парень искренний, да ещё и талантливый, то надо тебя поддерживать, привлекать, посылать в командировки и т. д.

Умоляю тебя, Христом-богом прошу – включи в свою книжку переводы. Если ты хоть на полмизинца считаешь, что я в чём-то разбираюсь, сделай это во что бы то ни стало. Это всё только в твоих интересах, в интересах твоей перспективы быть не забытым поэтом (в Москве).

Посылаю тебе газету с твоим стихом.

Буду краток телеграфно – не могу писать длинные письма.

1) Советую снять стих про костерок, который “шаёт”. После всей истории с ГДР и пр. получается, что ты обижен.

2) Стихи в “Смене” пока лежат. Видимо, часть пойдёт. Через три-четыре дня Богучаров тебе напишет.

3) С Грудевым поговорить не успел, сделаю в ближайшее время.

4) О Лежене. Сдай книжку, предлагаю сделать тебе командировку в Москву, в архив ЦК и т.д. Решай. (На месяц.) К тому времени добуду рукопись Пальма. Заявляй поэму на 1968-й. (В “Молодую гвардию” и в Новосибирске – сразу.)

5) Моя просьба. Пришли всё-таки, пожалуйста, венгерскую книжку о венгерском коммунисте. Я сниму фотокопию и верну тебе. Сделай побыстрее – это для “Писем из Сибири”³⁵, их уже пора сдавать.

6) Я в ГДР съездил хорошо. Всё было зер гут. Мы зайцы жареные, нас не проведёшь. Правда, было что-то с сердцем, что – не знаю. Из поездки по стране вернулся в Берлин, три дня лежал.

7) Самое главное. Брось канючить. Интервью, конечно, – кака, но что написано пером и т.д. Не нычь. Чувствуй себя хозяином жизни. Как сказал мне недавно один алкоголик: фотография будет существовать, пока существуют морды. Истина. Плюнь на всё. Не изводи Ольгу. Пожалей окружающих. Ведь все говорят, что ты зануда, и самое обидное, что это правда.

Не будь занудой! Смейся! Хохочи! Пиши стихи!

P.S. Я послал тебе с Лиловой подружкой Сашей Каманиной (с телевидения) картинку. Получил ли ты? Это тебе из ГДР (от меня).

Для Оли!

Олюшка! Всё-таки паразит у тебя муж. Всё ноет и ноет, хлюпает носом. Представляешь, хамло, написал мне, что теперь, видите ли, “после всего, что случилось, дружить уже трудно” (доподлинные слова!)

Прошу тебя, прочтя эти слова, возьми утюг и двинь ему от моего имени между шаров. Зря всё-таки не успел я это сделать в Москве.

А тебе желаю в Новом году всего доброго, главное, поменьше нытья твоего мужа чтоб было, чтоб был он оптимистичнее. Все-таки 50-й год Советской власти. Правда, китайцы там от вас недалеко, но что-то, а хвост надо всегда держать пистолетом. На то мы и марксисты!

Оля, обнимаю тебя, желаю всего хорошего, пусть Сашка поторопится сдать книжку.

Обнимаю

Алик.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

3 января 1967 г.

Дорогие Лихановы!

Как Вы там, в своей престольной? Слышал я, что написали вы значительную повесть, когда и где можно её прочесть? Жажду. Посылаю немецкую дребедень – всё, что напакостил за два месяца.

Куда бы её пристроить? Живу в Речкуловском санатории, за Академгородком, лечусь от нервов. Все живы и здоровы, если не считать, что у Андрюшки лямблии (или лямблии?), у Серёжки искривление позвоночника 2-й ст., а Лёлька пьёт бесалот от каких-то непонятных укулов в правом боку. Расстегивая наковец-то объяснила мне мои стихи и потребовала их перепахать. Я с ней здорово поцапался насчёт наших с тобой отношений. Оказывается, я, действительно, политический двурушник, поскольку двое из друзей уже сказали мне это со всей прямоотой, “не взирая на лицо”. В общем, всё по-прежнему – обычная занудь. Я и в 35, как в 22, остаюсь всего лишь автором “Рукавичек”, никаких “Морей” не существует, никому ничего не нужно, а потому никто ничего и не может. Радуюсь за Соловьёва-Седого, тревожусь за космонавтов и своих детей.

Андрюшка удостоился с двумя рисунками попасть на городскую выставку в картинную галерею. Сергей помешался на радио и мечтает слепить Андрюшке карманный приёмник. В детской пахнет канифолью, олифой, проводами, холстом, маслом.

А как ваш детёныш? Работает ли Лиля, кем? Ты уж, пожалуйста, не хвора-й. Ты должен быть крепким, как мячик. Помнишь, как загонял меня в ротаторной?

Морковкин молчит. Кстати, что-нибудь за комсомольские публикации да-ют или не дают? Или это чересчур нескромно и всю ноябрьскую декаду с нем-цами надо рассматривать как смотр самодеятельности? Зачем тогда прида-вать ему международный характер? Я поначалу так и думал – самодеятель-ность, всё на общественных началах. Но вот из Москвы пришёл перевод на 3 р. 49 к.

Всё собираюсь что-нибудь написать, да никак не соберусь. Шибко нужна мне рукопись или книжка Пальма.

Получил ты Лигети³⁶? Когда выходят твои письма, можешь ли ты что-ни-будь извлечь из Лигети? Я хотел хоть чем-нибудь быть полезным. Огромный привет Лилюше, Шурам³⁷, перед которыми благоговею, поклон и любовь Лёльки, целуем Митеньку.

А. Кухно – А. Лиханову

21 января 1967 г.

Дорогой Алик!

Не сердчай, что не ответил тотчас, лежал в больнице, пустяк, зуб мудрос-ти вылез не туда, куда надо – вырвали. Никульков смеется: “Говорил я, Кух-но зубы поломает! Так и есть”. Чувствую себя пока неважно, как и положено зануде. Расстегняева со мной не удосужилась обговорить пять-шесть стихов, больше чем за месяц, а теперь злится, что я болен и она, видите ли, книжку сдать не может. Переводы делаю. Не нравятся. И очень меня раздражает этот самый “костерок”, который “шаает” и который кому-то мешает. Кому, чем? С Китайником по этому поводу не говорил, и говорить не буду: мало ли кому чего взбредёт в башку. Надо читать то, что написано, а не то, что мерещится привыкшим к привычному. Читал я этот стих на радио, в различных аудито-риях – среди учителей, рабочих и пр. – ни разу не слышал упрёка в том, что непонятно и никто не усмотрел в нём никакой обиды, а Стюарт вообще счита-ет его лучшим из всех новых. Выбросят его – ну что ж, такого его планида: даже самому себе сказать “не ной!”, оказывается, нельзя, надо только от других это принимать? Во всяком случае, мне пока никто ничего об этом сти-хотворении (Расстегняева?) не говорил, доходят какие-то слухи через третьи лица, и ничего вразумительного. “Непонятно – и всё!” А раз так, я включаю в книжку перевод Калау:

Один из моих учителей

От моего деда-кровельщика

я не только научился крыть крышу,

но ещё и этому:

когда перебрасывают молоток –
целят в нос.

Поймает другой,

или не поймает –

это касается только того,

кто ловит.

Правда, я получил из Магдебурга письмо в конце декабря: от Аиды Фё-доровой, в коем она сообщала, что мои вирши хорошо принимались. И были там добрые приписки от Эггерса, Кенига, Калау, Лаабса³⁸ и Ларисы Василь-евой³⁹. Эта писулька у меня самая приятная реликвия от поездки. А про сти-хи свои я так и не знаю. Может быть, мне надо было что-то написать хотя бы Эггерсу, извиниться что ли, что не приехал, мол, заболел и т.д., а переводы делаю. Кстати, прослышал я и про то, что все русские “немцы” должны к 25 января представить в ЦК переводы. Меня это не касается? Китайник вро-де настроен уже против включения переводов в мою книжку. К чему тогда этот мартышкин труд? Всё-таки я переводы делаю (немного). Копию пошлю тебе дня через два-три.

Посылаю книжку Кароя Лигети (разумеется, с возвратом!). Очень жалею, что в своё время не перепечатал на машинке перевод введения, чтобы тебе

хоть что-то было понятно. Перепечатка кончается где-то на странице 19 книги. Сегодня перепечатать не смогу — только что из больницы, дня через 3–4 дошла концовка. Письма Лигети, стихи, статьи омского периода начинаются, примерно, со страницы 67, со стихотворения “Брат мой униженный Каланьи Янош”. Почти всё это — публикации из газеты — “Революция”. Всё это на русский не переведено, за исключением некоторых стихов, но у меня нет даже подстрочников стихов. Если у тебя появятся переводы на русский, т. е. если кто-то будет для тебя переводить, старик! — пожалуйста, сделай один экземпляр и для меня. Пригодится, может быть, и мне. В Новосибирске людей, знающих венгерский, — нет. Ну, вот пока всё.

Богучаров молчит.

Как твоя книжка?

Как здоровье? Ты тоже не раскисай! Что с сердцем?

Я в феврале, наверно, подамся в санаторий, за город, обещают в Союзе. В Москве о Лигети знает, по-моему, неплохо некто Дунаевский⁴⁰ Александр Михайлович, старый журналист, написавший уже не одну биографическую книгу. В своё время он загорелся этим именем, я с ним здесь встречался, он хотел из него сделать венгерского Фучика, не меньше. И, возможно, уже делает. Это следопыт хорошего толка. Адрес его у меня записан не очень разборчиво: Москва, Д-284, Беговая, 13, кв. 4. Смущает меня только название улицы. На всякий случай, проверь, и если можно с ним встретиться — постарайся встретиться, он может тебе рассказать много интересного о своих поисках вообще и о Лигети в частности. Года три-четыре назад в Новосибирске выходила книжка “Революционная поэзия в Сибири в 1905–1917 гг.” Там тоже была статья Лигети и его стихи. Основные материалы о Лигети собрал в Омске директор областного архива (а может быть, не директор, а старший научный сотрудник, но, кажется, директор — дело было восемь-девять лет назад) Николай Колмогоров⁴¹, очень осторожный человек, которого очень трудно расколоть, но у которого все, буквально все письма Зофли Людвиговны Венцкович — жены Лигети.

Это огромнейшей ценности материал. Использовал ли он их и насколько, не знаю. Письма эти были адресованы ему. Собственность!!! Я ездил к нему в Омск в 1957–1958 гг. и письма кое-какие читал. Но после публикации в “Сибирских огнях” (журнал этот я отдал тебе!) Колмогоров прислал разгромную рецензию, а вернее, просто письмо С. П. Залыгину как члену редколлегии, и я не стал больше с ним связываться, понял, что дружбы у нас с ним не выйдет, хотя в Омске он меня встречал хорошо. Причиной всему некоторые неточности, которые попали в статью Куклиной из введения Шандора Сиклаи. Так что по части истории надо быть аккуратным, осторожным. Может быть, стоит запросить Омский облархив о всех опубликованных материалах о Лигети, т. е. в каких сборниках или отдельных брошюрах рассказывалось о Лигети. И если там работает ещё Колмогоров, обратиться прямо к нему. Этот человек знает всё. “Завещание” Лигети у меня есть в трёх переводах: Решетникова, Колмогорова и А. Голембы⁴². Из какой книжки выдран перевод Голембы, не знаю. Мне прислали его из Москвы несколько лет назад, пока не посылаю. Подстрочники стихов — всех! — мне тоже нужны.

Ну ладно, старина, пока! Чем смогу, рад буду помочь. Пиши! Лилише привет и всяких вам благ.

Твой С.К.

P.S. Старик! Я всё-таки допечатал перевод введения. И знаешь что, с ужасом обнаружил в нем целый ряд исторических нелепостей. Перевод точный. Видимо, венгерские товарищи положились во всем на старика Ш. Сиклаи, к сему моменту уже убитому путчистами, а в рукописи Сиклаи целый ряд неточностей. Старик, видимо, кое-что запомнил, кое-где описки у него. Даты падения Омска и боёв перепутаны, всё остальное — правда.

Ну, ещё раз обнимаю.

P.S.S. Для “Сибирских огней” заканчивает поэму о Лигети Василий Федоров. Значит, и он занимался изучением этой личности. Возьми интервью и у него. А вдруг?

Алик, дружище!

Не сердись, что не писал. Значит, ничего радостного не случилось. Письмо твоё получил через несколько дней — был в отъезде. С агитпоездом обкома КПСС колесили по районам Н-ской области, выступал, так сказать, перед теми, кто растит нам насущный наш хлебушко. Поднимали настроение кулундинским хлебобобам, там, где всё сгорело к чёртовой бабушке. Благо, перед самым нашим приездом вдарил дождь, — и настроение поднялась само собой. Корма будут, картошка и пр. овощ тоже. Правда, кое-где до нашего приезда бабки с иконками проходили — дождя вымаливали — он возьми да и пролейся, смилоствовался. Ну, посмеялись — и ладно. Оргвыводов по сему случаю, слава богу, не было. Поездка была, в общем-то, бестолковая и малополезная — в смысле литературском, об остальных судить не берусь, а нас ездило трое — Лавров, Романов и я. Ещё раз убедился, что стихи никому не нужны, и уж особенно партийному начальству — не то, что спасибо сказать, ни здравствуй, ни прощай — за всю поездку. Хотя и мы старались, и грузовик толкали, и к чёрту на кулички добирались, и по ночам выступали, наравне со всеми прочими лекторами и артистами — всех-то 86 человек было. Наверно, мелочь рассказываю, но для меня всё-таки событие в этом году. Много было и хорошего, и плохого. Много хороших мужиков и баб видел. Противно только, что рядом “пропагандисты” старались десятки за выступления срывать, мерзопакостники образованные.

Поездка оторвала от Лежена, но отказаться я не мог. Перед этим два месяца прокопался в архивах, пишу статью о Лежене — надо же как-то жить! Стихи не идут совершенно! Получил фотокопии из ЦПА — опять без права публикации. “Сибирские огни” меня в этом вопросе не поддержали. Не публиковать то, чем я сейчас располагаю, значит опять отдать в чьи-то лапы, чтобы ещё 25 лет материалы о Лежене замораживались и писалась всякая галиматья, потому что главное в этой фигуре, в биографии этого человека абсолютно неясно; нужны первые публикации, чтобы найти, выявить, заставить опубликовать главные документы о Лежене. Писать так о Лежене, как писали до меня — просто выдумывать или врать — я не могу. Я записал воспоминания нескольких лиц, встречавшихся с Леженом, веду переписку — увы, — пока она ни к чему не привела. Получил печальное известие из Болгарии, где умерла года три назад Адела Николова⁴³ — единственная женщина, близко знавшая Лежена в последний год, его переводчица, друг, сиделка, нянька. В облархиве я нашёл текст её выступления на похоронах Лежена. У меня нет его сейчас под рукой (он дома), но он начинается так:

“Дорогие друзья, товарищи, дети! Я называю вас детьми, потому что по отношению к тебе я испытывала чувства матери. Я как могла, облегчала страдания твоих последних дней. Однажды ты сказал мне: “Адель, когда я умру, ты можешь сказать, что твой товарищ счастлив в своём вечном сне...” Дальше я не помню дословно.

“Ты был окружён такой заботой и внимательностью, что ты забывал свою далёкую родину” — в общем, этот небольшой, на страничку, текст, меня, например, очень волнует. Я нашёл фотографию Николовой и фотографию (неопубликованную!) Лежена и ещё кое-что.

Старина, ты, конечно, понимаешь, что говорить кому-либо про эти мои находки пока нельзя, они слишком дорого мне дались даже в буквальном смысле. Выступление Николовой и фото я постараюсь опубликовать в первой же статье. Я прочитал выступление Николовой и рассказал чуть-чуть о Лежене по болгарскому радио, болгарские товарищи ищут сейчас бумаги Николовой, её родных и пр.

Получил я ещё одно печальное известие. Из Москвы. Буквально месяца два назад умерла Анна Андреевна Додонова — второй самый близкий к Лежену человек — председатель Новосибирского обкома МОПР во время войны, человек редкостной душевной широты, член партии с 1911 года, доктор педагогических наук, работник ЦК МО и Коминтерна.

Друг мой, если бы ты мог понять, как я ненавижу всех, кто прикасался к имени Лежена, кто писал о нём статьи с продолжениями, врал, высасывал из пальца, хапал всё, что только можно бы хапнуть, и не дал себе труда найти хотя бы этих двух женщин, поговорить с ними, записать их воспоминания,

опубликовать, конечно, имевшиеся у них какие-то письма, рукописи, фотографии Лежена. А имена этих двух женщин были им известны, и разыскать их Пальму, например, не составило никакого труда. Нашёл я, после долгих поисков, опись имущества Лежена, составленную Николовой, Додоновой и одним работником обкома в день его смерти: более 50 названий, более 100 предметов, среди которых блокнот личных записей Лежена, конверт с фотографиями, им самим составленный альбом “Париж. Коммуна” (58 фото), сборник стихов на французском и многое-многое другое, очень ценное (например, акт судебно-медицинской экспертизы, телеграмма из Франции на 6 стр., заключение новосибирских врачей, лечивших Лежена). Где сейчас всё это, бог весть. В течение всей войны, до июля 1946 года личные вещи Лежена хранились в Особом секторе обкома, рядом со снарядом “катюши”, с которого сибирские инженеры снимали чертежи для запуска в производство. В Особом секторе было тесно, чемодан Лежена порядком надел, да и вещи стали портиться, тогда их отправили в Москву, в ЦК МОПР. Конечно, не все – все отправить было трудно. Но главное где-то там. Думаю, что всё в том же ЦПА, мне их просто не показали. В Новосибирске сейчас нет ничего, в областном музее нет даже фотографии Лежена. В общем, старина, я, кажется, здорово погорел на Лежене, стихов не писал уже более полугода, сейчас “дом” с “громом” не зарифмую, а дело движется очень медленно. И главное – незнание французского. Но я понял и то, что теперь уж ни за что не оставлю эту тему, до конца дней моих.

Москвичи молчат, как рыбы, от Молоков⁴⁴ – ни звука, в Новосибирском обкоме КПСС мне почти ничем не помогли и смотрят на меня косо. Не дай мне бог устать и охладеть! После десятидневной “прогулки” по степным дачам, отсиживаюсь сейчас в одной таёжной деревушке на берегу моря в 150 км от Новосибирска, потому что у Лёльки – отпуск. Ходим по белые грибы – урожай тут на них огромный. Никогда не думал, что грибалка – такое чудное занятие. И то сказать – места здесь прекрасные, что твоя вторая Швейцария, горная речка с водопадами, боры; брусники, малины, грибов – сколь хошь гребни. Сегодня привезли пацанов из лагеря, собираемся рыбачить – на тесто и пшеницу, рыбы тут тоже много. Ну вот, пока и всё.

Митя, кажется, собирается в первый класс? От всей души желаем ему хорошего здоровья, а для этого надо ему никогда не сердиться ни на папу, ни на маму, ни на кого, а кушать хорошенько, спать вовремя и сочинять ещё больше весёлых анекдотов и сказок. А ещё надо обязательно что-нибудь делать руками, не ломать, а делать, из пластилина, из железечек, из железечек, да мало ли из чего можно сделать что-нибудь нужное. Например, пол подмести – из веника.

Как ты, дорогой, чувствуешь себя на новом месте? От души радуюсь за тебя, по-моему, это очень хорошо. Только, пожалуйста, пиши. Пиши прозу, хорошую прозу пиши!!..

Давно я тебя ничего не читал. Это нехорошо. Поделись чем-нибудь. Вышли, наверное уж, твои книжки в Детгизе и “Молодой гвардии”?

“Берёзовые колки” посылаю только тебе, будь они прокляты. Книжка, по-моему, плохая во всех смыслах и оформлена жутко. Ничего она мне не дала – ни морально, ни материально. Просуществовали год – вот и всё. Толком использовать этот год не сумел. Если дашь её на рецензию, пожалуйста, дорогой, пусть обязательно скажут, что это всего лишь изуродованное переиздание “Ранимости”. Но пока рецензии не надо. Вышла книжка, действительно, месяц тому назад, но я еще не получил авторских. Первая партия тиража (1500 экз.) пошла в продажу с браком, вопреки всяким законам. Перепутали строчки в стихах Калау. Остальное идёт, кажется, нормально.

Ну вот, теперь, кажется, всё. Привет Лиле. Молодец она у тебя, работага, неумённая. Поди, опять выросла, смотри, тоже станет каким-нибудь ответ. секретарём. Тогда кто кому подчиняться будет?

Обнимаю.

Вечный лодырь и зануда

С.

Кухниха прикладывает лапу.

Написанному верить:

Соскучилась, обнимаю, целую, люблю. Не забыла вас!!!

Кухно (О. Кухно).

Вот язва!.. Всё ей мало!

Алик, дорогой!

Спасибо за письма, за Аполлинера, за твою заботу, за всё, за всё, что ты для меня сделал и делаешь — спасибо от всей души!

Живём мы по-прежнему, мирно и вяло, ничего пока не пишу, даже Лежена, срываю по мелочам — рецензии и редкие выступления, чтобы как-то существовать. Книжка моя в наборе, там половинка переведённых немцев и пять новых стихотворений, остальное — перепечатка из “Ранимости”. Мы её уже съели, получать почти нечего. На 68-й год в Новосибирске в план меня не включают — нет новой рукописи. Значит, впереди — год 69-й. Спасибо издательству уже за то, что хоть подбрасывают на рецензию. Расстегняева тут ни при чём. Кстати, все твои разговоры со мной через неё становятся сразу известны всем. Так последние сообщения: из “Молодой гвардии” она преподнесла мне при Казимире Лисовском, который буквально за неделю перед этим крыл меня на отчётном писательском собрании что есть мочи — при секретаре обкома, при всех и вообще стучит, где только можно. А вообще Рубеновна, конечно, хорошая, только болтушка, вроде меня. Я на собрании тоже выступил не шибко, поддержал один Фоняк. У нас теперь новый секретарь правления: — Решетников. Никульков отпросился писать. Мы, молодые, проводили его с некоторой грустью, я — особенно, потому что Решетников — самый “близкий” мне “друг” и питает ко мне особые “симпатии”. Но — посмотрим. В общем-то, плевать. Я в Союзе бываю раз в год, а теперь могу и вообще не бывать.

Несколько раз говорил я с Коржевым⁴⁵, зав. отделом критики в “Огнях”, и Женькой Мельниковым⁴⁶ насчёт рецензии на твою книжку. Всё чего-то тянут. Вот возьми, соберусь с духом — и сам напишу. А ты, старина, пожалуйста, не расстраивайся и не хворавай, и не обижайся на наш город. Мы все тебя здесь очень любим и часто вспоминаем.

Звонил я недавно Грудеву. Трубку взял Миша Беляев⁴⁷. Из разговора с ним я понял, что были какие-то рецензии на рукопись. Какие? Говорит — “всякие”, и всё. Читал ли Верченко? Говорит “нет” и “не надо”. Говорили ли с ним обо мне, действительно хотят ли включить в план? Беляев говорит, что дай бог, если попадёт в план редподготовки, но что они с Грудевым, вроде, борются. Так ли это? Знает ли обо мне Володя Милютенко, поддерживает ли? Конечно, будь у меня сейчас готовая рукопись или хотя бы половина поэмы, я немедленно прилетел бы в Москву. Но нужно ли опять приезжать с пустыми руками? План издательства составляется, наверное, не один месяц, а я и месяц пробить в Москве не могу. Беляев говорит, что важно быть в Москве. Я и сам понимаю, что хорошо бы там показаться. Если ты сможешь вызвать меня через ЦК хотя бы недели на две, дней на десять, для работы в архивах, я прилечу тотчас. Но... для этого нужно на билет и хотя бы два рубля на день. На май и июнь месяцы мне обещают временную работу в родных “С. О.”. Пренебречь ею я сейчас не могу. Два месяца на хорошей зарплате, при не очень большой занятости (ответ. секретаря) мне никак не помешают. Так что если я смогу попасть в Москву — только в апреле.

Обнимаю всех и Митеньку!

Ваш С. Кухно.

Январь 1969 г.

Дорогой Алик!

Итак, пять месяцев молчания. Понимаю, что прощения быть не может, и тем не менее — пишу... Спасибо за новогоднее поздравление. Я совсем одичал, опустился и замкнулся, не писал никому. Праздников для меня не существует. Жизнь ползёт по-прежнему катастрофически бездарно. Год 1968-й был тяжёл и бесплоден. Правда — семь газетных очерков о Лежене — вот всё! Сейчас заканчиваю сценарий двухчастевки, в порядке самодельности — никаких авансов и никаких надежд! Живу на 50 р. и несчастно выступления. Много занимался общественными делами. Весну и лето убил на обмен квартиры — выменял шило на мыло, но, в общем, доволен. Живём недалеко от Ботанического, то есть возле вашей — бывшей, увы! — хаты. Хожу мимо — вспоминаю! Мы живём ближе, возле площади Калинина. За окнами оранже-

рея и... ухе — грузовой дорога. Дом панельный, звонче прежнего. Сосед-грузчик храпит с нюансами и простывает, когда я открываю у себя форточку! Разумеется, когда я начинаю печатать, он вскакивает как ошпаренный. Иногда мы с ним пьём водку. Его телевизор я “смотрю” не выходя из своего кабинета, и мы разговариваем, не напрягая голоса, через стену. Он страшно гостеприимный и идейный, но не может без мата и водки. Выручает только хворь. Весь какой-то хворый и тёмный-тёмный, прямо дремучий. Но добрый и отзывчивый, что хошь — сгрохает, а за водку — с особым тщанием. Руки золотые, слесарь, токарь — всё время бегаёт с завода в грузчики, с грузчиков на завод: в коллективе смешон, с начальством неуживчив — значит, платят мало, и опять — в грузчики... Любит до трясушки свою Любашку — ровесницу Андрюшки. Неравнодушен к моему баяну и Андрюшке. Пианино терпеть не может.

Под нами живут Яша с Машей, с глухой бабкой и двумя мальчишками. Яша — электромонтёр. Во всём остальном — ни в зуб ногой. Учится у меня (!) плотничать и обставляться, чтоб не хуже, как у людей. Впрочем, электричество знает тоже слабо: на неделю оставил подъезд без света. Яша щербатый и всё время пилит толстую, толстую Машу, и тоже пьёт водку. Но экономно. И тоже — телевизор.

Над нами живёт интеллигентная, застенчивая пара, с двумя ребятишками. Очень милые дети, всё время катаются по полу, как бочки на пристани, и визжат. Родители стесняются, но ничего поделать не могут. Время от времени интеллигенты засоряют канализацию тряпками и бумагами, и тогда почему-то именно мне приходится разыскивать слесаря, который почему-то всё время другой и живёт страшно далеко, а конторы нету. Народ не любит интеллигентов и любит меня. Первое, что он сделал для любимого писателя, который ничего не пишет и которого, естественно, народ не читал, — это наворовал батарей и сделал ему тепло. 22 секции — в три приёма! Плевали мы на мороз, хотя зима нынче шибко лютая, всё время около 40, или 30 с ветром. А ветру у нас хватает — окна большие, светлые, с наветренной стороны (квартира угловая, торцевая). Второе, что совершил народ, он построил писателю вместо кладовки в подвале, которой почему-то не оказалось, целый сарай, размером в три кладовки, и даже ларь для картошки слепил, разумеется, наворовав сколько требовалось лесоматериалов. И всё это без ведома (!) самого писателя и даже вопреки управдому. Пришлось народу сказать спасибо и поставить полбанки. Народ сверлил ему бетонные стены, заклеил всякими резинками двери и даже приволок со стройки (наворовав, конечно!) половых реек и застелил балкон, чтобы стопам писательским не холодно было, когда он выходит взглянуть на оранжею, подышать воздухом. В общем, отличный народ. Мы, конечно, рады, что переехали. Много тише, много ближе к центру, к Лёлькиной работе. Она с ужасом вспоминает сейчас коммунальный мост, через который в такую зиму, как нынче, добираться очень трудно. А главное — люди; родная Ельцовка...

Летом и осенью (август, сентябрь) мы с парнями поочередно спали на балконе. Тишина. Благодать!..

Вот уже три месяца слушаю симфоническую музыку. Завожу. Работаю только под Сен-Санса и Бетховена, потому что вот уже три месяца ежедневно с пятого этажа несется: “Лучше гор могут быть только горы” и “Хали-Гали”. Только две пластинки. Каждый день отдай два часа — и не грехи! Других нам не надо. А на первом этаже не признают “горы” и “спивают”. Там ревьёт гармоза с пяти вечера в пятницу до 5 утра в понедельник без передыху. Иногда и в среду бывает. По-моему, на первом перебивала уже вся Украинская Советская Социалистическая Республика. Любимый твой народ, который без республики в нашем доме совсем не живёт... Иногда я о нём тоскую. В общем, цирк!.. Не подумай обо мне плохо, я ещё не свихнулся и почти не пьющий. Просто устал, только что — со второго выступления за сегодня. Декабрь, почти весь, лежал — с “моторчиком”. Нам разум дал стальные руки-крылья, да вместо сердца. Вот так, старина, живём. В ноябре оперировали Серёгу, второй раз вырезали гланды. Теперь спит на полу, ходит нараспашку и в любые морозы ездит к чёрту на рога в бассейн — плавать, плавает много и даже в морозы ходит на лыжах, систематически, регулярно пытается сравнять Ельцовские берега. Хвастается, что в классе первый по лыжам. Пианино забросил, читает Эйнштейна, ездит в Академгородок на лекции и “органично”

презирает всё художественное. Только музыку затаил как болячку. Осенью сам разыскал какую-то музыкальную школу, поступил. Полтора месяца упорно долбил, старался, но заболел и – бросил... К пианино не подходит. Девятый класс – не шутка! Уж и военно-медицинскую комиссию в школе прошёл. Андрюшка тоже всюду плавает. Лодырь и хвостун, всё наоборот. Не любит математику, рисует и ездит в изостудию тоже к чёрту на рога, участвует во всяких выставках, даже куда-то посылали его рисунки, в Индию, что ли, а один напечатали в “Тропинке”. Эрудит, болтун и лодырь. Седьмой класс... Девки пишут ему письма. Опасный тип!

Мать заведует корректорской в издательстве, где я почти не бываю, а в “Огнях” и подавно. Литературных новостей не знаю, их, видимо, и нет. Всё тихо-мирно. В Новосибирске всюду “Тёплый дождь”. Тебе не нужно?... Напиши.

В августе жили в деревне, собирали бруснику, рыбачили – вот и все человеческие впечатления. Воюю с поэтами-солдатами в окружной газете. Стихов не пишу. Лежен себе спокойненько лежит. Исследовать сие на таком расстоянии от Москвы и при полном всеобщем равнодушии как следует не могу. Написал ли тебе что-нибудь Шури? Мне он так и не прислал и не ответил ни слова.

Татьяна Фёдоровна Редько пишет мне сердечные письма. Но после того, как получила за портрет, письма почему-то стали приходить реже. Устаёт старушка, хворает. Здесь меня считали её родственником. Наглецы! Художники оценили портрет Редько в 1000 рублей и помогли заставить областное управление культуры купить реликвию за 700 рублей. Сейчас он в музее. Редько тут ни при чём. Она чудный человек, и теперь после вас у меня есть ещё в Москве Т. Ф.

Получил недавно интересное письмо от Н. Ф. Лежен. Есть такая в СССР. Очень интересная старушка. Увы, не внучка коммунара.

И ещё одна “бабушка” затеяла со мной переписку – Ядвига Дзержинская, из-за “моря”, конечно. Она меня просто волнует...

Вот так, дорогой, конечно, рядом с бабушками и сам невольно становишься дедушкой, но что делать?... Теперь у меня в этом радость – возжаться со стариками. Кстати, и в Новосибирске я в 1968 году общался в основном со стариками.

Крепко обнимаю, целую.

Твой С. К.

Лилюшке и Митяю тоже мои поцелуи и приветы, приветы от Лёльки и паванов. Дай вам бог радостей и удач в новом году.

А. Кухно – А. Лиханову

16 февраля 1969 г.

Дорогой Алик!

Поздравляю с наступающим праздником Красной Армии, желаю тебе полной боевой готовности ко всякого рода литературным боям и работам и абсолютного мира и благоденствия твоей семье, твоим родным и близким.

Более месяца тому назад написал тебе покаянное письмо, перечитал его – и показало оно мне бредом сумасшедшего, так и не решился послать. А сегодня заглянул в свой жёлтый, замухрышенный (вернее, в твой, цековский) портфель, который служит мне по сей день и которым я дорожу, извлёк это письмо, перечитал ещё раз и подумал: а что?... Пущай! Лучше поздно, чем никогда. Пущай идёт, кому писалось, как приложение, или наоборот, как письмо, это пусть будет приложением. Адресат разберётся, где тут письмо, а где приложение. В общем, это не так банально: письма с приложениями!.. Особенно если учесть, что ответов пишуший “не ждёт” и не получает, и они возвращаются нераспечатанными всё к тому же адресату.

Конечно, и обидно, и стыдно. Но что делать: ты же знаешь, если я не пишу – значит, дела мои – швах!.. Да и лодырь я. Но, старичок, ведь я по-прежнему такой же нежный и мечтаю только лишь о том, как бы мне с тобою повидаться и пошляться вместе по Москве. Рифмы я презираю, потому что их презираешь ты. А в Москву ездят Китайники, которые передают мне твои обиды. Кухно-пивцам там делать нечего. Но именно потому, что время летит, как птица-коршун, поэт всегда будет мечтателен, как Таня Ларина, и жить надеждой. В общем, “не такой уж горький я пропойца, чтоб тебя не видя умереть”. Даст Бог – свидимся, и даст Бог – по-хорошему.

Главный предмет переживаний у нас в доме сейчас Андрюшка, которого Дворец пионеров направляет в Артек (за живопись) на март месяц. Не дай бог заболит или кто-нибудь перехватит путевку (с комсомольскими боссами я растерял всякие связи)...

Будет очень обидно, если заслуженную награду парень не получит. А штука с ним такую проделать могут, здоровьем он не блещет, хотя и не болен. Представляешь, мы с матерью никогда не были на юге, а в Крыму, тем более, да ещё в детстве!.. – и вот Андрюшка!.. Конечно, кто-то может над этим и посмеяться, а мне лично это нелёгкая радость. А отказ – будет ещё одним ударом для всех нас. Я не могу больше думать о “Море”, не могу!.. Прости, старик!

Обнимаю, целую.

Твой С.К.

Привет Лилюшке и Диме.

А. Лиханов – А. Кухно

14 мая 1969 г.

“В ночи горит Полярная звезда!..”

А. Кухно

ПРОЛОГ

Горит, старичок, горит!

И не надо унынья – чёрт тебя бы подрал, импульсивный ипохондрик!

Вперёд!

На бруствер!

Ты же талантлив, дьявол! Так какого чёрта! Пиши! Пиши во что бы то ни стало! Пиши Лежена! Пиши стихи!

Общество, может быть, и не ждёт твоих стихов, согласен с твоей социальной в ипохондрии. Но чёрт с ним, с обществом! Я жду! Лилька ждёт! Ждут все, кто тебя любит, кто тебя знает! Они-то не виноваты! Они ждут, и всё тут.

Знаю, знаю! Держишь в зажиме два десятка добротных стихов, рвёшь себя изнутри на части, режешь на куски и жрёшь с маслом – тебе не нравится. Тебе совестно. Тебе душно.

Да ты плюнь! Ты напечатай, ты нам дай в самом тебе разобраться, авось мы другое скажем, авось мы скажем: Сашка – ты дурак, стихи-то будь здоров!

И вообще – Кухно! Великий ельцовский писатель. Напрягись! Абстрагируйся! Сосредоточься! Выдай Лежена вместе со стихами.

Ты нам очень нужен, и кончай всю эту барахолку!!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ)

1. Шури мне не написал, и ну его на хрен. Оставил только свою статью и номер московской сберкнижки, на которую надо перевести ему гонорар за статью. Видно, бурбон, вrobe наших жлобов.

2. На тайную смену тобою адреса – не обижаемся. В этом можешь быть уверен. Так же как и на долгое молчание.

3. В СП не принимают по нацпризнаку – слишком русский.

4. На работе – охренел, и думаю: есть ли выход для пролетария умственного труда? Если знаешь – подскажи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(ЗА ЖИЗНЬ, КАК ТАКОВУЮ)

Да, старичок, а жизнь, она качается, качается и кончается. В начале февраля ездил в Киров к умирающему – единственному и любимому – деду. Умер на глазах. Похоронил. Много и тяжело думаю об этом. Дед не дожил двух месяцев до восьмидесяти. Старый-старый работяга. Всю жизнь работал. Видел, как прощался с ним, с простым человеком, простой люд – его ученики и ученицы.

Более светлого – не видел, не знаю. Проходили по очереди мимо гроба и кланялись в пояс.

Вот так вот, старичок!

После этого захотелось заторопиться, поспешать.

А куда?

Утром — в контору, вечером — из конторы. Изношенный, измочаленный. Чувствую, как что-то во мне стирается, сглаживается. Будто у шестерён зубья. И вот они уже не цепляют друг за друга. Проскальзывают где-то и в чём-то, и это невозполнимо, необратимо. Кучу дерьма приходится читать. Более бесплодного труда в моей жизни ещё не было.

Идет торговля. Продаю свой труд и свои мозги за деньги. Что останется для себя — не знаю.

Чувствуешь! Чувствуешь? Чьи интонации? Кухновские! Пессимистические! Неоптимистические!

А писать хочется. И как будто есть про что. А времени нет. Сил не остаётся. Всё тверже созревает решение — на всё плюнуть и всё бросить. И уйти похлебать похлёбки за то, чтобы пописать. Время идёт, силы уходят — надо спешить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ!

(ВОПРОСЫ НА ОТВЕТЫ)

1. Итак, ты нынче в наших краях, как бы я хотел там побывать. Смешно сказать: затеял “сибирский” номер “Смены”, буду отправлять кучу людей в Сибирь, в Новосибирск в том числе, а сам съездить не могу. Не могу!

Перестал писать для газеты (журнала), уже забыл как это делается — ну не стыдно ли! И хочется, а не могу. Весь в трясине!

2. А ты-то, ты-то каков! Сходи в обком! Скажи, что тебе обещали помочь с Леженом. Это же комсомольский заказ! Не стесняйся, возьми командировку. Я тут тебе помогу. Что-нибудь придумаем. Порецензируешь у нас в журнале рукописи, подзаработаешь малость. Стихи напечатаешь. Очерк про Лежена нам дашь — 12 стр. текста. Это же деньги!

Мобилизуйся! Подумай! Только не бросай начатое! А, Саша!

3. А насчёт твоего шваха морального — ты это брось! Никаких швахов! Чуть-чуть энтузиазма, во имя семьи и поэзии, и всё будет в ажуре, не распу-скай себя.

ЭПИЛОГ

Я — на распутье. Лильке нужно сдавать сессию, и мне придётся быть с Димкой. Родители мои брать его отказались в связи с ремонтом у себя. Так что сижу и не знаю, что делать.

Работать мы ещё научились, а отдыхать совсем не умеем. Вот так. Причём, будучи с Димкой, надо ещё быстро и много написать. А что делать?

За Олю и ребятишек твоих — страшно рад. Кланяйся им и обнимай. Митька нынче больше месяца лежал в больнице с ухом, перенёс удаление аденоидов. Лежал в Кирове, а Лилька была с ним.

Год нынче начался тяжело, сложно. Невесёлый год. Чем-то кончится?

Вот такие шаньги, Саня!

Держи хвост морковкой!

Мы вас любим!

А главное — пиши, пиши. У тебя ведь есть время! Обнимаю.

Алик.

А. Кухно — А. Лиханову

Осень 1969 г.

Дорогой мой Алик!

Итак, вперёд?.. На бруствер?!.. Ипохондрик не хочет на бруствер — там холодно, там убивают. Ипохондрик хочет жить! К тому же он не знает, где бруствер, а где просто кочка. Мне моя кочка всегда казалась бруствером, а глядь — кругом болото и жрать приходится мороженую клюкву.

“Напрягись! Сосредоточься!..” Напрягался, дорогой. Результат таких напряжений: давление 180, дистрофия миокарда, острый энтероколит и еще чёрт знает что. Лечить гипертонию и прочие прелести голодом и напряжением умеет Мао Цзедун, я не умею. Впрочем, наше здравоохранение тоже не лечит и за бюллетень некоторым “писателям” не платит совсем. Учти на будущее, когда станешь членом СП.

Кривая моих наиболее знаменательных сердечных праздников: октябрь 1967 г., 2 декабря 1968 г., 29 августа 1969 г.; следующий можно с уверенностью ждать этой зимой.

Ну а как вы, Геркулес, Геракл, Самсон художественной и общественно-политической литературы? У вас механизм в порядке?.. Вы хорошо зарядились летом? Не забывайте вовремя вставать на капремонт и делать профилактику. Я очень люблю писателя и общественного деятеля Альберта Лиханова, и мне очень обидно будет, если он до времени станет гипертоником или склеротиком, или хотя бы язвенником. Это неприлично. Машина — сердце корабля, приводной ремень, машина — это мозг класса, это сила класса — вот что такое машина!.. Её надо содержать в чистоте и исправности. А сердце и мозг — это не машина. “Несчастливых — к ответу!” — под таким названием однажды написал статью один мой сокурсник и твой предшественник в “Комсомолке”, за что попал в академию общ. наук при ЦК. Теперь он эстет-философ и чем-то даже заведует в “Правде”. Но заголовочек очень мне помнится, и, право слово, иногда взбредает мне в голову, ей-богу, дельная мысль: а что ежели собрать всех склеротиков, квёлых нытиков, голодных язвенников и вообще грустных — и поубивать?.. Чтоб другим не повадно было. То-то станет весело и прекрасно!.. (Между прочим, наша милая фронтовичка Зоя Степановна недавно вернулась из дурдома и приступила к своим обязанностям. Иногда она попадает туда.)

О хворях больше не буду, а то ещё привлекут. Просто, старичок, растрогало меня твоё последнее письмо и встревожило. И хотелось мне тебе сказать, что ты молодец, становишься мягче, человечней, мудреешь. А ведь ничто не даётся даром.

Прости, что не ответил сразу. Я, конечно, не сидел без дела. Лето я мотался по районам родной области с выступлениями, дабы что-то кусать, — мой постоянный заработок увеличился до 68 рублей — на чём только не ездил и не летал и, конечно, перелетал..

Парни наши ходили в турпоход по Горному Алтаю. Так что Андрюшке нынче пофартило: два месяца в Артеке, сезон в пионерлагере, полмесяца в походе. В августе мы пару недель отдыхали все вместе там же, где и в прошлом году — в ста верстах от города, на берегу Обского моря, в бору, в очень живописном месте.

Нынче была пропасть грибов и черники. И мы набрали черники три ведра и груздей посолили (немножко). Малость рыбачили. Отдых был чрезвычайно коротким.

На другой день по возвращении из деревни я угодил в больницу. Сейчас помаленьку начинаю ходить. Чувствую себя скверно. Придется жить на постоянные 68 рублей и Ольгину зарплату.

Сергей пошёл в десятый, Андрей — в восьмой. Дети меня не радуют совершенно. Оторвались, замкнулись, развиваются плохо, боятся будущего. Сергей весь в математике и физике, Андрюшка — в истории. Успехов — никаких, здоровьем — слабы. Недаром в слове “воспитание” 70 процентов занимает питание. Воспитали мы их отвратительно. Не разговариваем неделями, месяцами, будто и не было у меня детей.. Что-то будет через год-два. Весной родился такой стишок (не для печати):

*О чём, ручей, звенишь не умолкая,
куда бежишь сквозь почернелый снег?..
Я никогда не думал о весне,
что может быть и у меня — такая...*

*Весна — а я ни жилочкой одной
не вострепнусь, не загрущу о лете.
И дети взрослые,
мои родные дети,
как над чужим,
сойдутся надо мной...*

*Звени, ручей вечеровой, звени!..
Пусть как всегда тебе вовсю звенится.*

*За все мои расстраченные дни
мне пред тобою незачем виниться.
Как с мальчиком,*

*с тобою говорю
о том, о сём...*

*И грустно замечаю,
что провожаю громкою печалью
ещё одну апрельскую зарю.*

*Звени, родной, напоминай, ручей,
детей моих
далёкою весною,
когда я знал,
что навсегда со мною
их добрый смех
и ласка их речей...*

Вот так, папа! Всё закономерно. Всё течёт, всё изменяется. А люди не из бетона и стекла — не такие крепкие и прозрачные.

Знаю, знаю, тебя, прежде всего, интересует дело, творчество. Что ж, творчества нет, есть нытьё, никому не нужное, за которое даже к ответу привлечь бесполезно: счастливых не прибудет.

Говорят, на границе с Казахстаном 38 дивизий стоит, полмиллиона китайцев хотят поздравить нас с очередным праздником, слышал я, по деревням лирично катаясь, что с хлебушком неважно и с прочим, а тут Твардовский, видите ли, изволит лежать с сотрясением мозга и Н. Грибачев, вроде бы, ладится новый мир построить. Куда они глядят, счастливые?.. Объяснил бы хоть малость, по-дружески, что деется, куда движемся — к войне, что ли? Или я один из стекла?.. По газетам ничего не пойму: всё так мудрено и благополучно, что и читать их перестал.

Не знаю, как там Вознесенский, но я, кажется, действительно деградирую и написать за него стихи не смогу. Люблю я его, собаку, но уверенности этой не принимаю. Где ему понять крокодиловы слёзы провинциала, которому не до трактиров? Не знаю, посылал тебе весной крокодила или нет (память мне, действительно, изменяет), на всякий случай дай вспомню:

Михаилу Светлову

*В изнахраченном, поношенном пальто
я хожу по белу свету, притворяясь,
будто я не старикашка,
а бог знает кто!*

*И стихи свои читаю,
повторяясь...*

*когда-то сам
собой руководил,
сочинял изысканные вирши.
А сейчас — я очень грустный крокодил...
Слёзы катятся, да звон у них всё тише.
Кто поверит крокодиловым слезам!..
Вот и я стучал в Парнасские ворота.
Но Пегашка с них ни разу не слезал —
он всегда ко мне стоял влобоборота.
Долог путь, и тяжелы грехи.
Изнахрачена потрёпанная шкура.
Как бы радостно я ни писал стихи —
всё равно глядят печально и понуро.
Я бреду читать стихи в ГПТУ*
эстетически неразвитым задирам.*

* Государственное профессионально-техническое училище.

*Я и сам ГПТУшником слыву,
а не мастером,*

не то что бригадиром...

*Поднесёт мне сувенирчик ребяшня,
собственными сделанный руками.*

*Не любите вы, хорошие, меня! —
это слёзы падают на камень...*

*где-то в Африке живёт моя семья,
слишком розно, слишком небогато...*

*это плачет крокодилица моя,
повзрослевшие скулят крокодилята!..*

Пробовал написать о Ленине. Ни черта не получилось. Ленин недосыгаем. По-моему, из всей макулатуры, которая сейчас о нём создается, ничего не останется в веках. В веках останется Ленин, а макулатуры не будет. Эх, встал бы Ильич, он бы показал, на что бумагу тратить и куда денешки вложить!.. Но... как сказал Маяковский: “Нету чудес и мечтать о них нечего. Есть Ленин, гроб и согнутые плечи...” и т. д.

Лежен не движется, лежит тихохонько, как и полагается покойнику. Сценарий о нём написал наполовину и бросил. Едва заявка была принята, как московские кинодеятели попытались присвоить добытое мною. Работать на дядю не стал. Не потому, что обидно сопли получать от больших барышей — знаю, что испохабят и эту тему. Мне не дали и 100 рублей — в Москву слетать. Даже по местному телевидению не дали выступить. Слепили передачу по моим очеркам, беспардонно крадут всё, целиком!.. Так что Лежен ждёт, когда о нём появится небольшая полуочерковая книжка, которая пишется адски трудно, с большими перерывами и пробелами, потому что настоящего исследования не было, материала мало, да одному человеку и не под силу такая работа, нужна поддержка солидных организаций, а нашим организациям — наплевать на такого писателя, как я. Есть поспособней, попроворней и посolidней. Если бы не 50–60 рублей постоянного дохода, а рублей на сто поболее — Лежен был бы давно написан.

Французы молчат, как рыбы. От Шури⁴⁸ — ни слова. У меня создалось впечатление, что им, французам, П. К. — до лампочки!.. 100 лет вытравили в народе память о Коммуне, поносили коммунаров как только могли и добились своего: народ французский равнодушен к Парижской коммуне. Устраивают празднества 14 июля — это действительно народный праздник, а к коммунарам только приходят коммунисты 28 мая, и то, наверное, не каждый год, да и не все, далеко не все коммунисты почитают парижских коммунаров. И то сказать — Париж был залит кровью, город был, по существу, расстрелян, и жизнелюбивые парижане просто, видимо, не хотят вспоминать об этом.

Как бы там ни было, я о Лежене, конечно, напишу и, конечно, по документам, в прозе. Жаль, теперь особенно трудно — с хворью и далеко от Москвы. Как бы мне хотелось, старина, побывать в Москве, пожить, побродить... Иногда мне кажется, что уже никогда больше я не увижу Москву...

С обкомом комсомола я никаких дел не имею, у меня там не осталось ни одного знакомого. Подозреваю, что даже письма на моё имя в обком — не доходят. Конечно, в Москву они меня не пошлют. Они и в прошлый-то раз делали это неохотно.

Между прочим, если ваш журнал заинтересует моим сценарием, я готов представить через месяц-два литературный сценарий двухчастевого документального фильма (20–25 страниц) плюс фотографии. Но, увы, я не помню, чтобы “Смена” печатала сценарии. А вообще-то это было бы неплохо, особенно если вспомнить, что когда-то сей журнал напечатал препохабный рассказ о Лежене небезызвестной вам А. Пальмы.

Конечно, дорогой, сценарий я привезу сам. Правда, даже на среднюю прыгучесть мне теперь рассчитывать трудно, потому что хвор и потому что я ношу башмаки моего старшего сына, а моё пальто носит мой младший сын — оно у нас тоже на двоих, — но ничего, как-нибудь доберусь, было бы с чем, было бы зачем и не скрипела бы машина.

А. И. Молок мне ничем не помог. Помогал мне только один человек — А. А. Лиханов, к которому я век буду испытывать благодарные чувства и о ко-

тором иногда скучаю. Говорят, он создал роман и даже, говорят, хороший, и роман, говорят, принят в журнал. Я давно перестал удивляться работоспособности этого человека, но тут я пришёл в восхищение и радовался, как ребёнок. Здорово! Здорово! Здорово!

Здесь все в восторге от “Писем из Сибири”. А вот биб-ка молодой прозы что-то худо расходуется. Сейчас запросто купить хоть всю биб-ку сразу, томов 15?

Вот пишу, пишу длинное-предлинное письмо, а о главном всё не решаюсь... Старичок, что же делать?.. И нас понесут когда-нибудь наши ребятишки. Прости, дорогой, что не прислал тебе вовремя слов утешения. Тут слова, наверное, бесполезны. Весть эта потрясла меня, и мне казалось, я был рядом с тобой. Видимо, ты действительно крепко вошёл в наши души, если твоё горе и здесь было так ощутимо. Писать сразу не мог, а потом я знал, что ты куда-то уехал. С тревогой посматриваю на своего отца. Весной я похоронил мать одного товарища... Не знаю, может быть, это слюняйство, но смерть мне всё так же страшна, как в детстве. Смерть отвратительна всегда! Это мы делаем её благородной, украшаем, находим ей объяснения, видим в ней логическое завершение. Нет, нет и нет! Человечество никогда не смирится с такой логикой.

Напиши мне, где был летом, что делал. Писал роман?.. Это результат пережитого?.. Над чем работаешь сейчас?..

Лилишке кланяюсь. Кем она трудится? Ей по-прежнему не нравится Москва? А Митька? Хорошо учится?

Хороший у вас парень растёт – бедовый, умный. Когда-нибудь мы ещё погуляем с ним по Москве, и он расскажет мне не только о шереметьевском дворце. У меня в глазах сейчас февраль, солнце зябко, огромные липы и дубы в Останкинском парке, слепящий снег, и Митька на одной лыжине катится с махонькой-махонькой горки. А у папы большая меховая шапка и красный нос.

На этом бы и кончить, да вспомнил ещё об одном. Ты спрашивал, что делать пролетарию умственного труда, хочется писать... Пока я молчал, ты, видимо, сам себе ответил и – написал роман... Я теперь тебе какой советчик?.. В литературе ты ушёл много дальше меня, а в жизни – и подавно. Я не знаю, Алик, что значит работать в московской редакции и как вообще жить в Москве. И я думаю, наверно, примитивно, а может быть, и пошло, грубо, но примерно так: ежели ты получаешь в редакции рублей 100–150 и целый день глотаешь рукописи, как мусоропровод, и приходишь домой измочаленный, тогда держаться за такую должность не след, в Москве ты всегда заработаешь литературным трудом не меньше. В наше парадоксальное время частники-рецензенты зарабатывают зачастую больше, чем на должности. Но если ты получаешь рублей 200–300 и умеешь организовать свой труд в журнале, спешить с уходом не нужно. Тогда ты уже никакой не пролетарий – ни по доходам, ни положением своим. А положение – это тоже капитал, особенно в литературе. Аристократы духа в рваных носках сейчас не в моде, их плохо понимают и почти не печатают. Стоит только раз позариться на свободную бедную жизнь – и фортуна может отвернуться навсегда. Почти так случилось со мной. Я бы и не прочь уже вернуться в “Сибирские огни”, да что-то не приглашают... Конечно, партийному человеку, да в Москве, это было бы проще. Но, повторяю, я Москву знаю плохо. Ты человек, по-моему, очень практичный и волевой. Помня о том, что ты прежде всего писатель, надо, видимо, до минимума сократить обязанности и рабочее время в журнале, сохранив при этом должность и приличную зарплату. Морально ты для этого уже давно созрел, а характера тебе не занимать. Как только станешь членом СП, почувствуешь себя уверенней и с тобой будут считаться. Не принимают в СП в Москве – попробуй в Кирове, попробуй! Да нет, тебя и в Москве примут.

Просто это надо форсировать. Книг достаточно. Книги хорошие. Чего ещё надо? Хочешь рекомендацию? Я готов хоть сейчас написать. Рецензии надо? Рецензии будут. Неужели ты не общаешься с писателями? А Рюрик Ивнев⁴⁹, а Толя Иванов⁵⁰, а Толя Соболев⁵¹, Гарька Немченко, наконец, есть и Леонид Соболев⁵² и прочие киты. Они ведь с тобой по одним улицам ходят. Чует моё сердце, что ты затянул с этим делом по одной причине – из-за особого пристрастия к самой “великой” нации. Да плюнь ты на всякие там группировки, пусть себе грызутся, будь ты выше этого, ведь ты умный человек, писатель,

ты же должен понимать, что излишнее политиканство только портит писателя, пусть "политикой" занимаются те, у кого она в крови, ты же — русский!.. Ты же должен видеть, где политика, а где — мышьяная возня и пьяный бред.

Надо писать, писать, пока дети маленькие и пока не хватила кондрашка. Обнимаю, старик! Пиши, не обязательно так длинно.

Твой С.К.

Привет от Лёльки.

А. Лиханов — А. Кухно

21 ноября 1969 г.

Милый Сашуля!

На твои письма сразу отвечать невозможно, да и вообще, отвечать на них нельзя, ибо они хрестоматийны, как стихи Тютчева и Фета. Я их перечитываю по многу раз, а последнее письмо, особенно концовку, по-моему, надо читать каждое утро, чтобы весь день знать, как жить и как не сбиться с главного пути к главной цели. Ах, милый, мудрый советчик! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Если бы и ты прислушался к собственным советам — я им внял и внимаю, будь уверен и без юмора. Действительно, надо писать да писать, пока дети маленькие и не хватила кондрашка. Дальше будет поздно, будет неинтересно, самому будет не к чему. Аксиома, **говорят**, это истина, не требующая доказательств. Ах, старичок, всё так просто и так хорошо, и аксиома не требует доказательств, — а всё же, всё же, всё же, как написал Твардовский.

В это "всё же" входит твой главный постулат, ибо получаю я 300 рублей, а эти деньги на дороге не валяются, что даже став членом СП никто и никогда не выдаст мне никаких гарантий, как нет их у тебя, — и вот эти 300 рублей, это моё благосостояние, становятся оковами, которые бы и можно сбросить, да жалко. Так что раб, старичок, я добровольный, и цена этому рабству выйдет, в конце концов, дорогая: нельзя вкалывать круглый день, да ещё и потом, и в отпуск, и урывками, — всё это задаром не обходится. Придёт она, кондрашка, хватит, мать её, раньше срока, потому что жизнь на износ — недолгая жизнь. И рано или поздно сбудется твой сатирический юмор насчет гераклизма и самсонизма.

Но ладно, папа. Пока живём. Во всём этом бытии беспокоит, как обычно, сейчас: это ты и твой хлипкий органон. Что ж ты, учитель? А? Что ж ты, милый, долгорифмующий поэт? Понимаю, что вся наша жизнь — диалектическая штука, что всё идёт по кругу, что всё связано меж собой — деньги, материальная неустроенность, хлопоты — изнурительные, непреходящие, трудные стихи и сердце, в конце концов. Всё в исправности лишь у тех, у кого по спирали и у кого одно от другого отделено, а значит и исправно, чётко, надёжно. Вон наш общий любимец Илюша Фоняков — и стихов у него гора, и в Японии живёт полгода, и зарплата ему капает, и борода всегда весело топорщится — энтьюзиаст!

Меня ты тоже к этим причисляешь, знаю, даже похваливаешь — мол, стал я мудрее и добрее, но ты, папуля, ошибаешься. Добрее и мудрее — понятия генетические, их не вырабатывают, да тем более в столицах, да тем более на должностях.

Жизнь тут собачья, шкурная, хотя, как ты видишь, и тёплая. Но она, эта теплота, дорогая. За эти денежки не можешь плюнуть в харю подлецу, не можешь кулаком шарахнуть. За эти денежки надо улаживать, регулировать, мудрить, делать вид. Старичок, благосостояние, в особенности столичное, разлагает людей, подлит их. Мне оно становится в тягость, потому что противно всё вокруг. Обстановка, люди, с которыми работаю, горы дерьма, которые читаю. Жаль сил, жаль ума, который расходуешь необратимо на дело важное (?) ли, нужное (?) ли? Во всяком случае — чужое, потому что своё сделать трудно. Вот сделал свой "сибирский" номер — но сколько это стоило нервов, сил и всякого разного.

Теперь о деле.

Сценарий о Лежене — дело нереальное. Нужен очерк. 20 страниц. Сделай, не поленись, а я уж постараюсь. Плюс снимки. Сделай срочно. Склеи, в конце концов, из своих напечатанных в Новосибирске вещей. И посылай побыстрее. Такие вещи всегда нужны. А я постараюсь, кроме "Смены", продвинуть материал на радио, в АПН, словом, так, чтобы ты смог получить прилич-

ную и реальную сумму. Кстату, можешь ли ты немедленно выслать копию одного из новосибирских очерков о нём? АПН взяло бы с ходу. Теперь. Я перепечатал несколько твоих стихов (вернее, перепечатала Лилька) из книжек. Думаю устроить их на радио.

Кроме того. Есть ли у тебя деревенские очерки? Могут быть напечатанными в местных и даже центральных газетах, лишь бы люди были живы. Может, писал о хороших людях. Поройся, пришли. Радио передаст, а если тебя будет что-нибудь грызть, перечисли всё это моральное самоедство на мой счёт. (Кстати, радио это не пугает.)

Словом, старичок, хочу помочь реально. Откликнись. Не отталкивай, как это уже было однажды. А кроме того — сделай сценарий диафильма о Лежене. И пришли подборку новых стихов для нас. В начале года (январь-февраль-март, — напиши, когда лучше) постараюсь вызвать тебя сюда. Кстати, в обкоме первым теперь Наместников⁵³.

И ещё одно, Саша. Напиши мне, если тебе нужны деньги, только спокойно, без ломанья, ладно?

Надо, во что бы то ни стало надо, чтобы ты дописал Лежена и сделал побыстрее новую книгу стихов. Лиля и Митя кланяются всем вам, целуют тебя, Олю, желают успехов ребятишкам, и я, конечно, с ними. Не более и по деловой части ответь скорее. Обнимаю тебя. Хочу увидеть.

Алик.

А. Кухно — А. и Л. Лихановым

13 декабря 1969 г.

Алику и Лиле Лихановым!

*Ах, как это, ребята, не просто —
верить в сказочную красоту
и летать на Лихановский остров
на каких-то задрипанных “Ту”.
Все моторы — всего лишь моторы, —
и сердца прогорят, как дрова.
Только вечны морские просторы
да людские в морях острова.
Дорогие мои человеки,
ах, как много воды утекло!
Так хочу, чтобы всем и навеки
было в мире легко и тепло!
Пусть не грезится сказочный остров,
пусть приблизится к вам наяву.
Нынче сам я особенно остро,
может, вами одними живу.*

Дай Бог тебе счастья, дорогой островок, в Новом году!

Обнимаю С. Кухно.

А. Кухно — А. и Л. Лихановым

2 января 1970 г.

Дорогие мои, так нельзя!..

Получил комсомольскую газету из Кирова, в коей чуть не полоса моих допотопных стихов, давно и много раз опубликованных.

5 декабря. Приписка: “Спасибо за хор. стихи. Пишите, мы будем рады”. Чему?!.. Вероятно, они не знают, что стихи публиковались ранее.

Писать им об этом?.. Не решился. Сегодня получил перевод на 40 рублей. Отослать обратно?!..

Получил. Сидим, жрём торт.

Новый год! Все рады.

Меня терзает позор и страх: а вдруг?.. Сколько раз изничтожали поэтов за то, что публикуют в разных местах одно и то же. Надеюсь только на то, что меня не шибко знают. Спасибо и...

Алик и Лиля, больше так никогда не делайте, очень прошу. Посылаю на всякий случай несколько стишков ненапечатанных, вернее, не печатных.

Обнимаю, ещё раз поздравляю с Новым годом. Да не минует вас счастье в Новом году. Целую Димитрия.

Ваш С.К.

P.S. Очерк о Лежене на днях вышел.

Сегодня катались на лыжах в Ботаническом. Я тоже ползал. Зима нынче у нас отличная! Красиво-то как, братцы!..

Ельцовка вся в серебре, теплынь, речка журчит, берёзы, сосны необыкновенные. По дороге туда и обратно – торчит ваш дом... Звери! Уехали. Поди, в своём Останкино и на лыжи не становитесь.

Лилия, тащи его на лыжи, а то не выродит свою главную книгу. Непременно выталкивай, взащей!..

Что поделываете?

Учитесь писать короче, но писать чаще.

Ещё раз обнимаю, вместе со своей скверной (т.е. женой) и нехорошими детьми.

А. Лиханов – А. Кухно

18 мая 1970 г.

Дорогой Саша!

Получил все твои депеши. Это даже хорошо, что твоя поездка несколько задерживается. В апреле я должен был лететь в Америку и за два дня до вылета попал в больницу, можешь себе представить, с сердцем. Пролёжал три с половиной недели. Неделю пробыл на больничном и 20-го мая улетаю в Kis-ловодск, в санаторий – до 15. VI. У Лили же 22-го мая начинается сессия – продлится до 20. VI. Так что в районе этих дней июня ждём тебя. Вот такие пирожки, старик. “Лабиринт” в “Сибирских огнях” накрылся шляпой – тоже забавно. Вот так-то.

Обнимаю. Привет Оле и ребятишкам от всех нас.

Алик.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

3 ноября 1970 г.

Дорогой Алик!

Мне передали от тебя привет из Нью-Йорка. Не знал, как это понимать, поскольку я совсем стал идиотом и ничего уже не смыслю ни в твоей истории, ни в твоей географии, всё же склоняю пред тобой свою вечно повинную идиотскую голову и спешу сообщить, что я ещё жив и здоров (относительно).

Лежен – лежит! Пухом ему земля. Перед приездом в Новосибирск Помпиду здесь стало известно, что Лежена французы хотят перенести в Париж и наши дали на то согласие. (Я об этом знал ещё в Москве...) Распространяться об этом не нужно. Прости, если тебе докучают мои знакомцы “леженисты”, они сего ещё не знают. Обещанный очерк ты получишь вскоре после праздников. Ни одной редакции в жизни я ещё не оставался должен.

В издательстве и “Сибирских огнях” я не бываю, и мне очень больно будет узнать, если твой Нью-Йорк окажется, например, академгородком. Помнится, ты собирался в Новосибирск. Ведь тебя здесь издают?... Очень прошу тебя (жаль, но в таких делах нельзя требовать): будешь в Новосибирске – остановиться у меня. Я постараюсь сделать всё, чтобы тебе было хорошо.

Как твоя проза, о которой я не смею судить?..

Когда появится “Лабиринт”? Где?

Что со второй повестью, которая мне понравилась больше, но название которой, увы, выживающий из ума! – не помню?!.. Про деревенского пацана, ну и про городского... “За рекой, в тени деревьев”?... “Среди долины ровной”?... “Там, вдали, за рекой”?.. Нет, какая-то хорошая “Поляна”!.. Нет, не помню!*

Не обижайся, старик! На такое грех обижаться. Вообще-то, ты здорово стал писать, и я, действительно, не берусь судить...

* Повесть “Деревянные кони” имела первоначальное название “Долины, полные цветов”.

Поздравляем вас с праздником. Дай бог вам с Лилей всего самого доброго, согласия, радости, достатка, счастья, а тебе растишь-матереть на благо советской – детской и взрослой – прозы!

Со мною трудная тень моя – семья.

Аминь.

Твой С. Кухно.

P.S. Сей бланк означает всего лишь, что я когда-то вышел из “Сибирских огней” и мечтаю возвратиться в них же, на круги своя. Не придавать значения. Просто подвернулся под руку.

P.P.S. Лиле особенное спасибо за радушие, гостеприимство и многотерпение от Лёльки и Серёги.

А. Лиханов – А. Кухно

Лето 1971 г.

Саша, дорогой!

Итак, Шури получил всё, что ты ему завещал. Узнав, что представляю журнал, просунул к нам свою статейку о Парижской коммуне. Наверное, напечатаем где-нибудь в конце года. Он по моему поводу приезжал ко мне в “Смену”, я его лично просил помочь тебе, он обещал, говорил, что о Лежене во Франции недавно печаталась статья в одной из газет, есть у них там специалист по нему, так что всё хорошо. Жди от него вестей. Сам Шури – бывший редактор молодёжного “Авангарда”, политический редактор “Юманите”, сейчас работает в институте Тореза. Членом ЦК не является, просто член ФКП, полковник Сопrotивления на Корсике, мужик не очень старый, деловой; у него переводят в Союзе какую-то монографию о Коммуне. Приехал сюда по приглашению ЦК КПСС в связи с подготовкой к предстоящему юбилею.

Всё это хорошо, папуля, посмотрел я твои статьи. Стоит ли тебе рассыпать свои познания по столь многим и дешёвым источникам. Сделай-ка лучше для нас, для миллионной “Смены” большой очерк о Лежене страниц на 15–20. Это, по крайней мере, будет рентабельно материально, получит отдачу, опять же – центр. Подумай, словом.

Желаю успехов! Обнимаю!

Алик.

А. Лиханов – А. Кухно

25 июня 1972 г.

Дорогой Саша!

Был в отпуске в Гагре, встретил там Васю Коньякова, не признал его, как и он меня, впрочем, узнал последние известия про тебя. Значит, ты теперь учёный редактор в учёном издательстве?.. Грущу, что так всё вышло, что вольные хлеба тебя не прокормили. Но, может, всё-таки зря? Сыны у тебя повзрослели, наполовину работают, может, лучше было бы добить Лежена, получить кой-какие деньжата?.. Впрочем, издавала не видать, говорить трудно.

Однако знаю я, что есть у тебя новые стихи. Пришли их мне. Те, что про Парижскую коммуну, и другие. Жду. Не задерживай их.

Вот такие пироги.

У меня настроение тяжкое. Тут меня принялись долбить – см. “Звезду”, №3 и изустные высказывания критиков нерусского происхождения. Кому-то уже мешаю. Настроение от этого мерзкое – подстроено всё по-московскому подло. Кроме того, устал предельно. Как струна – натянут. В отпуске, естественно, работал. Грустно сознавать, что живёшь один раз – и эту-то жизнь устроить по-человечески нельзя. Всё сложно, всё зависимо. Моя семья мои тяготы разделяет лишь морально. Бьюсь, как рыба об лёд, и эта борьба, а не обычная жизнь – ужасно надоела. Хочется всё бросить, уйти, закрыться с головой. Старик, написал даже два стиха – представляешь, до какого состояния докатился. Спокойствия нет ни на день. От этой суеты можно повеситься.

А ты – береги Олю, вот и всё. Остальное – с ребятами – уже устроилось, дальше тоже устроится: в них славный фундамент, а это главное. И сам ещё бодрись. Не смей бросать литературу. Да, собственно, разве можно её бросить? Скорее, бросит она.

Обнимаю тебя.

Напиши чего-нибудь.
Оле и ребятишкам сердечные мои приветы.
Прочти моего Рылеева в "Смене". Я им болен.

Алик.

А. Кухно – А. Лиханову

17 августа 1972 г.

Дорогой Алик!

Сейчас случайно прочёл в №3 "Звезды" рецензию на тебя. "Забвение критериев"⁵⁴, конечно, волнует сейчас многих, с "некоторым", увы, изрядным опозданием, как постановление о пьянстве. И та и другая тревога, по-моему, практически мало чего дают. Всякого рода административные меры, наказания, брань и т. д. не имеют решающего значения. Ежели и перестанет русский водку жрать, так не потому, что за самогон кутузкой страшат. А культуру, в том числе язык, тем паче никакой драчкой не упрочить, не воспитать. Рецензия плохая, откровенно злобная. Среди всякого ныне процветающего чванства (пролетарского, дворянского, партийного, беспартийного, крестьянского, еврейского, нееврейского и пр.) особо волнительно для меня высокомерие и чванство побывавших на войне. О настоящих героях не говорю. Настоящие сохранили человеческий облик и не обижают "маленьких", которым теперь, увы! – сорок. Поздно и опасно считать нас сопляками, да ещё так срамотить. Когда это кончится?.. Ей-богу, иногда такое находит, что жалеешь не о том, что опоздал родиться на семь-восемь лет, а что не умер ребёнком, не сдох с голодухи, с надсады ни во время войны, ни после. Наше поколение имеет полное право писать о своём военном детстве, оно ничуть не мельче, чем у других, постарше, которые столько про своё детство нагородили чепухи и столько ввали про войну, что тему эту нам всем кагалом ещё предстоит отмывать да отмывать.

Помню, что "Крутые горы" волновали меня, и слезу вышибали, хотя и видел я кой-где слабые места. Я знаю, в каком ритме ты живёшь и пишешь. И мы всей семьёй радовались за тебя. А на рецензюшку эту злую – плюнуть и растереть. Всё, что я тут написал, я года два-три тому назад написал лучше, полнее в рецензии на повесть Бурмакина "Отдаление" в "Сибирских огнях", тоже о военном детстве, та уже прямо о моём Новосибирске. Мы, конечно, можем забыть, в каком году появились погоны, но понимать время и то, и теперешнее, мы понимаем не хуже "побывавших", хотя и "под стол пешком ходили", туда все когда-нибудь да ходили, – а во многих случаях и лучше понимаем. Выгрузку раненых и мёртвых в твоих "Горах" и некоторые другие эпизоды сопливым и трухлявым не написать.

С удовольствием прочёл "Рылеева". Молодец. Жду окончания "Паводка".

У меня сейчас – никаких литературных забот. На службе с 8 до 17.30. Спасибо за привет с Кавказа. С 11 июля по 15 августа лежал в больнице (сэрце). Ничего страшного – миокардиодистрофия. Андрюшка поступает в Сибстрин на архитектурный, Сергей в колхозе. Ольга ещё не излечилась. Будем надеяться на лучшее. Дай бог тебе здоровья и побольше радости, а писать ты стал хорошо. Обнимаю всех – и Лилу, и Диму. Поди, совсем уже большой. Когда-то увидимся.

Твой С. Кухно.

А. Кухно – А. Лиханову

23 февраля 1974 г.

Дорогой Алик, старик!

Прослышал я, что ты в больнице, и вы с Лилей совсем расписались. Старик, это никуда не годится!!! Пишу тебе на казённой бумаге, совершенно официально, и требую мужества. Для того, чтобы писать хорошо, особенно для мужественных подростков, надо иметь крепкие нервы и железный, абсолютно здоровый кишечник! Это говорю тебе я, медконсультант вышеозначенного органа. Конечно, эрозия – это дрянь, и надо её выкинуть, вырезать, ибо она, эта дрянь, может привести к полному истощению всего организма, что пагубно скажется на стиле писателя. Какое значение в данной ситуации имеет характер, воля, вера в писательский организм, ты знаешь не хуже меня. Конечно, мы давно поменялись ролями, ты теперь и шутейно не назовёшь

меня “папой”, и не я, а ты меня должен воспитывать, но сегодня я говорю тебе: “Папа! Ты распустился; уж если до меня дошла такая весть, значит, ты ведёшь себя плохо! А папа должен быть примером!”. Надеюсь, ты возьмёшь себя в руки – и тогда всё будет в порядке.

С интересом прочёл “Конспект судьбы”⁵⁵. Молодец! Хорошо! Только мною зря “обрамился”, не заслужил я такого. Жду с нетерпением твой одноклассник. А ещё – очень жду лета. Из башки всё нейдёт Михайловское, где собирал яблоки. Вижу твою ухмылочку: стихи бы собирал, а не яблоки! Погоди, старина, будут и стихи...

*...С тропы воспоминаний не сойду;
И в трудный час, должно быть, вспомню это:
Стучат о землю яблоки в саду
Российского опального поэта.
Стучат, как полтора года лет назад!
Золотоглазые, летят в траву, как совы,
Фосфоресцируя, они глядят на сад —
И воздух сумерками наэлектризован.
Таинственная суток полоса:
Ни день, ни ночь,
Ни света нет, ни тени.
Но мир глядит, глядит во все глаза
Могучих остывающих растений.
Раскачивает сумерки шестом
Михайловский художник-реставратор,
С которым я был незнаком когда-то,
И вот теперь приятельски знаком... и т.д.*

Старик, вероятно, летом у тебя будет большой отпуск после операции. Катанул бы в Михайловское – вот где нервы-то лечить! Пожить месяц в тишине – и никаких курортов не надо! Всё ведь от нервов – и книги, и эрозия, от них окаянных! Дорогой, обнимаю! Пиши мне хотя бы изредка. Сегодня 23 февраля. С минувшим праздником! Будь солдатом!

Маме твоей, Лиле и Митяю мои самые нежные чувства. О себе пока не пишу. В начале марта сдаю рукопись в издательство.

Твой С. Кухно.

А. Кухно – А. Лиханову

11 августа 1974 г.

Алик!

Большое спасибо за книгу. Поздравляю! Отличная книга! И с новой хатой поздравляем. А главное – с тем, что ты, должно быть, отменно здоров и по-прежнему дьявольски работоспособен.

В наших перифериях ничего интересного нет.

Я всё так же трачусь чёрт знает на что, только не на стихи.

Через несколько дней мы отбываем со супругой в Ленинград, в её очередной отпуск – баба хочет в Европу, хотя ленинградская сырость ни мне, ни тем более ей (с чахоткой!) ни к чему! Но воля женщины – закон. И там, где-то в Таллине, наше дитё проходит практику. Будущему архитектору надо показать Питер. Второй курс закончил без стипендии. О старшем – не пишу: ничего утешительного, всё так же... Вот такие пироги!

Дорогой, вынужден быть краток. О старшем и о моём творчестве лучше не спрашивайте! Здесь выходит книжонка моих стихов – в основном переиздание, всё новьё почему-то не годится...

Хочется хотя бы изредка видеть вас и получать весточки, что вы живы-здоровы и плодотворно творите.

Над чем или кем сейчас работаешь?

Были ли рецензии на “Семейные обстоятельства”?

Лилушке большой поклон. Скажи ей, что радикулит можно излечить только плаваньем и холодным купанием (постепенно, конечно).

Что Дмитрий?

Как с любовью и настроением?

Последний вопрос, кажется, совсем бестактный, на него можно и не отвечать. Но что поделаешь — се вопрос века. К тому же, мне теперь многое позволено, а женщина моя почему-то становится всё злее и понимает меня всё хуже. Ребята, дай-то вам бог понимать друг дружку, и беречь, и любить ещё долго-долго!..

Обнимаю Вас!

А. Кухно.

А. Кухно — А. Лиханову

28 октября 1974 г.

Дорогой Алик!

Вот уже больше месяца, как мы вернулись из Ленинграда, едва успев пересест с поезда на поезд в Москве, но всё ещё живём впечатлениями отпуски. Очень жалею, что не повидал тебя в этом году.

На одном дыхании прочёл “Обман”. Некоторые главы хватают за душу. В целом повесть очень хорошая, нужная, и знаешь, мне почему-то показалось, что эта вещь очень кинематографична, что рано или поздно повесть экранизируют, только никому не давай писать сценарий, он у тебя уже написан — на две серии!

Искренне радуюсь за тебя — радуюсь за отличную толстую книгу (спасибо, что прислал), за отличную статью Алексина, за рецензию в “Литературной России” и больше всего за то, что здоров (ну, конечно, относительно), но всё-таки здоров и теперь уже, наверное, можешь работать.

А вот то, что ты про меня в очерке о К. Н. Редько написал — зряшное. Ну да я об этом уж забыл, думаю — и все забыли. Как она там — Татьяна Фёдоровна?.. Книжку о Лежене наконец-то, кажется, вставляют в план 1976 г. — заключают договор на 10 листов. (Это уже что-то!)

“Зимушку” мою шибко не критикуй, сам знаю, что плохая книжка — почти вся из старых (прямо-таки юношеских!) стихов: новые повыбрасывали; видимо, и вправду, пишу не только мало, но и плохо. Спасибо уж за то, что дали двойной тираж. Теперь задача продать бы поскорей — ведь книжка за область не выходит. Придётся выступать, как прежде, часто. А здоровьишко уже тоже не то. И Серёга всё такой же. Андрюшка учится помаленьку (на третьем курсе), без стипендии, худущий, слабый, но полон впечатлений от Таллина и Ленинграда. Я по-прежнему смолю “беломор” и иногда напиваюсь из зависти к твоим принципиальным героям — ей-богу, на них хочется походить! Вот возьму и брошу курить!.. Только страшно (один уже умерший писатель напророчил мне, что я брошу папиросы за три дня до смерти). Выходит, так и так — бросать. Ну это уже попёрла чушь! Старик, обнимаю тебя, обнимаю всех вас, поздравляю с праздником! Ради бога не хворайте и давайте о себе знать.

Твой С. Кухно.

А. Кухно — А. и Л. Лихановым

11 ноября 1976 г.

Дорогие Лихановы!

Далёкие!..

Близкие!..

Незабвенные. Любимые!

Дай Бог Вам всего самого-самого доброго!

Не хворайте!

Любите, берегите друг друга! Добрейте не старея и нас не забывайте, авось встретимся! Обнимаю. Ваш Кухно.

После него

Как будто это его последнее письмо...

Написанное задолго до его ухода, оно звучит, как прощание. Жизнь стремительно менялась, мы, конечно, перезванивались, но всё не могли договориться, когда же Саша появится у нас снова.

И вдруг, как удар грома: Саша умер.

Я дозвонился до Ольги и полетел в Новосибирск. Увиделся с Сашей, теперь не живым, нёс, вместе с друзьями, его гроб, выпивал на поминках, говорил с его отцом, с его сыновьями. И не мог поверить, что его больше нет. Не прилетит от Саши письмецо.

Настала другая жизнь – без Саши.

Но жизнь.

Теперь писала Оля.

Ольга

Для нас всегда Олечка, Оленька, Оля – Ольга Михайловна Кухно после неожиданного ухода Александра приняла на себя долг, порой невероятно трудный, мучительный, но и высокий.

Напомним: Саша умер в неполные 46 лет, из которых они с Олей были вместе чуть больше четверти века. После смерти мужа Ольга продолжала его дело еще 34 года! Помимо четырёх прижизненных, увидели свет ещё пять Сашиных книг.

Она служила дарованию и памяти мужа неистово, верно, беспрекословно, несмотря ни на какие препоны и испытания. В ту пору царствовало плановое книгоиздание, а ей пришлось пробивать публикацию незавершённой, лишь в подготовительном материале, книги “Жизнь под Красным знаменем” – о последнем парижском коммунаре Адриене Лежене – ещё и включив обширную, сопутствующую Сашиной работе над темой, переписку с самыми разными людьми и организациями.

Ольга добилась, чтобы спустя годы после первой, нашумевшей в своё время, признанной несвоевременной публикации была издана, наконец, целиком, без купюр поэма Александра Кухно “Море” – одно из самых сильных творений поэта.

Про русских женщин, про вдов, до конца собственной жизни служивших идеям и делу своих покойных мужей, отечественная литература произнесла множество слов сострадательных и восхищенных. Ольга Михайловна Кухно – одна из тех негромкоголосых скромниц.

Она не только свято служила делу и слову своего мужа. Ей выпало принять на себя новые ужасные удары судьбы – смерть обоих сыновей. И хотя рядом оставались близкие ей люди, они не могли оградить Олю от её одиночества, а будни её – от тяжёлого быта, материальной скудости.

Она и умерла – одна...

Письма Оли, с той же сердечностью и верностью продолжающие Сашины, – краткое, конечно же, свидетельство её праведной жизни и трудов, болезни и ухода её сыновей. Мы публикуем их обречённо, без всяких надежд, с единственным утешением, что с любовью исполняем наш последний дружеский долг перед ней.

Письма Ольги Кухно Альберту и Лилии Лихановым

Необходимое пояснение: многие письма и, особенно, открытки – не датированы и поставлены по предположительному времени написания.

16 марта 1978 г.

Здравствуйте, дорогие мои Лиля, Алик!

Как тяжело писать вам это письмо – сильно тоскую, хоть и сдерживаюсь изо всех сил. На работе с утра вроде ничего, а к вечеру плачу, не могу идти домой...

Брала Сергея на 11, 12 марта (субботу, воскресенье) домой. Пришёл – волнуется. Дед (мой отец) вечером в субботу приехал, Сергей успокоился. Видимо, к концу марта его выпишут из больницы. Тогда мне по вечерам будет не так тоскливо – Андрей часто ведёт занятия в институте вечером.

Дорогие мои, меня все эти дни держало задание – найти, переписать, перепечатать стихи из тетрадей Саши. Это мы делали с Андреем. И вот сейчас посылаю неопубликованные стихи (только ст. “Куда летишь, мой друг неверный” печаталось в “Сибирских огнях” да стих. “Апрель” в “Литературной газете”). 14 марта по новосибирской программе “Творчество” И. М. Лавров сделал передачу “Памяти поэта А. Кухно”, где рассказал о нём как о поэте, о человеке. Артист прочёл стихи “Любимому городу”, “Жажда”. Передача получилась хорошей. Если найду стихи ещё, пришлю. Фотокарточку делают.

До свидания, всего вам доброго.

Целую, обнимаю.

Ваша Ольга.

14 сентября 1978 г.

Дорогие, родные мои Лилиюшка, Алик!

Получила “Смену”, в городе купила ещё – Сибирский номер интересный, Новосибирск представлен отлично – и вообще все говорят, что “Смена” хороший журнал, очень этому рада. Спасибо за “Реку Молчания”, от Б. Мурашкина большой поклон и благодарность.

Недавно отдала в редакцию художественной литературы рукопись: стихи новые, неопубликованные, затем письма к Саше Н. Рыленкова, С. Гейченко, Е. Вяловой-Васильевой (вдовы поэта П. Васильева), Л. Либединской (когда Саша редактировал её повесть “Зелёная лампа” в “Сибирских огнях”), И. Л. Рудиной-Ненадовой, Т. Ф. Редько и других. Сохранились и письма (копии на машинке) к Е. Вяловой-Васильевой, И. Л. Рудиной, Т. Ф. Редько прислала мне письма Саши.

По-моему, публикация писем будет нужной и интересной. Ты, видимо, решил не присылать писем. Если считаешь неудобным – так тому и быть.

Я попросила Д. Г. Селькину, чтобы редактором книги был Ю. М. Мостков. А он (она не знает об этом) посоветовал мне поговорить с Д. Г., чтобы в книгу включили избранные стихи, поскольку в письмах часто упоминаются стихи старые, а в магазинах Сашиних книг со стихами нет. Одним словом, Д. Г., как только Н. С. выйдет на работу, будет говорить с ней о включении в книгу избранных стихов (включая все новые и неопубликованные) и воспоминаний о Саше наших писателей. Я уже поговорила с А. Романовым, И. Лавровым, М. Кубышкиным, В. Коньяковым – они будут писать о Саше.

Жизнь моя – печальная, страшная. Самого дорогого в жизни – нет. С этого начинается каждый день и кончается. Две печальные дороги – к Сергею в больницу (ему сейчас лучше) и к Саше – на кладбище. Спасибо вам за память, за участие. Обнимаем, целуем. Привет от Андрея, Сергея.

31 октября 1978 г.

Добрый день, дорогие Лиля, Алик!

Жизнь сейчас испытывает нашу семью, а мы, как можем, боремся с ней. Готовя материал для мемориальной книги в отпуске, а после отпуска – по вечерам и выходным дням, я, видимо, переутомилась: начались сильные головные боли, вялость, носовые кровотечения, пониженное давление. Прохожу сейчас все анализы, пью лекарства, стало значительно лучше. Видимо, это сказалось перенапряжением.

Книгу мемориальную и сборник стихов в серии “Сибирская поэзия” на обсуждении писательского плана в Союзе – включили в план. Мемориальную – в план 1981 г. (далековато, правда, – план 1980 г. уже утверждён), а сборник стихов – ещё позже. Решили, что в мемориальную книгу войдут все стихи из книг, новые и неопубликованные, а также газетные очерки о Лежене. Книгу хотят приурочить к 50-летию (1982 г.), выпустить с хорошими фотографиями, на хорошей бумаге.

Буду стараться, чтобы книга была настоящей памятью о Саше.

До свидания, мои родные. Низкий поклон вам от ребят моих, от В. Корякова, Романова. Обнимаем, целуем, ждём весточки от вас. Спасибо за участие и доброту, при случае передайте привет Т. Ф. Редько*, я ей письмо тоже напишу.

Ваша Ольга.

Примерно в эти же дни 1978 года я опубликовал в “Смене” (в № 21) большую подборку Сашинных стихов, не печатавшихся прежде. В начале следующего, 1979-го (№ 9), ещё одну подборку в “Огоньке”, а в апреле 1980-го (№ 4) цикл стихов в “Юности”. Тираж у всех трёх журналов был громадный. Страна вновь услышала голос поэта. Может, и прозвучавший-то так громко впервые.

30 января 1979 г.

Здравствуйте, дорогие Лиля, Алик!

Получила твое письмо, Лиля! Хорошо, что отдохнули в новогоднем лесу. У нас уже месяц стоят морозы 30–35°. Тяжело. Сейчас я на больничном – хронический тонзиллит.

Отдала Ю. М. Мосткову все газетные статьи о Лежене, Асеведо, Николовой и дополнительный материал к ним. Он прочтает, вместе решим, что поместить надо в мемориальной книге.

В “Сибирских огнях” № 5 Саша Романов и Никульков сделали такую подборку стихов (700 строк – 1 лист).

По-моему, подборка получилась хорошая.

Вот так идёт жизнь. А главное, родное, ради чего жила всю жизнь – ушло... Тоска смертная. Я не позволяю себе распускаться, да берёт еще в тиски работа в издательстве.

Заказала скульптуру Валерии Семёновой барельеф. Семёновой в январе присвоили звание “Заслуженный художник РСФСР” – единственная у нас в Сибири заслуженная. Талантливый, скромный человек.

Дорогие мои, до свидания! Привет вам от моих парней, передайте привет Диме. Обнимаем, целуем. Берегите себя, хоть бы одним глазком на вас всех поглядеть – Дима, поди, синеглазый красивый парень (или черноглазый?), но выезжать мне теперь никуда нельзя будет – не смогу оторваться от Сергея. Он в больнице. На субботу, воскресенье беру домой. Состояние в этом году у него ухудшилось. Но буду надеяться...

Целуем вас всех, крепко обнимаем, желаем здоровья, бодрости, надежды!

---

* Т. Ф. Редько – вдова художника К. Н. Редько.

26 октября 1979 г.

Добрый день, дорогие Лиля, Алик и Дима!

Мемориальная книга теперь будет иметь такой план:

I. Предисловие (А. Никулькова), в нём будут использованы письма С. Гейченко, М. Кубышкина и др. письма.

II. Рассказ “Откуда аз есмь”.

III. Стихи: избранные; неопубликованные; переводы.

IV. Очерки о Лежене. Деловая переписка о поиске материалов о Лежене (в Болгарию, Францию, переписка с московскими товарищами).

V. Воспоминания друзей о А. Кухно (И. Краснова, И. Лаврова, А. Романова, В. Коньякова). Переписка с Е. Вяловой-Васильевой (вдовой поэта П. Васильева) и с Т. Ф. Редько.

Будут включены несколько фотографий Саши (с отцом и т.д.), фотографии А. Лежена, А. Николовой и И. Асеведо.

В октябре было открытие памятника Сашеньке на кладбище. Приехали из Союза писателей, из издательства (всего 24 человека), сказали добрые слова, положили цветы, помянули (взяла водку, груши, испекла пирог), были у могилы 1,5 часа. Памятник мраморный (белый с розовыми прожилками), бронзовый барельеф, новая большая оградка, место расчистили, привезли мраморную крошку, берёзки – милый мой, неуёмный человек, нет тебя – и жизни нет, хотя всяких забот полно, ответственности за книги, за Сергея. Он дома, ведёт себя иногда беспокойно, но я терплю – хочется, чтобы он дома побыл подольше. 13 мая 1979 г. умер мой отец (не помню – писала вам или нет). Андрей прописан был у него (однокомнатная квартира), живёт отдельно, мечтаю, чтобы женился да родил внука.

Целуем, привет от ребят моих! Ждем письма!

18 ноября 1980 г.

Здравствуйтесь, дорогие Лиля, Алик, Митя!

Как сейчас слышу голос Алика: “А твой сын у нас!”, голос Лили: “Какой славный мальчик!” Слава Богу, что этот славный мальчик застенчивость свою поборол, проявил настойчивость – и вот у меня радость на много лет: и короткое общение с вами, и то, что вы все здоровы, и ваши прекрасные подарки (все – прекрасные: книги Алика мне очень нужны и всем нам очень дороги, кофты, конфеты, папка, в которой переписка Саши с Аликом, – всё как в сказке). За всё, за всё спасибо! Андрей вспоминает вас, Митю, Москву.

Сразу же после приезда Андрей сменял квартиру в отдалённом районе на квартиру в трёх остановках от строительного института, где он работает. Теперь не будет зимой мёрзнуть на остановках. Я взяла неделю отпуска, чтобы после машинки прочитать Сашину рукопись. Работаю.

Получила от вас и Татьяны Фёдоровны поздравительные открытки, она здорова, но лето, видно, было у неё тяжёлое.

Сергей в больнице, но скоро обещают выписать. Сказала ему, что Андрей был у вас, привёз от вас подарок – голубую летнюю кофту – благодарит, улыбается. Помнит Москву, вас, помнит, как в первый день приезда сказал тогда отцу: “Сколько же за один день сегодня узнал!”

Серёженька, боль моя, скромница моя ясная, очень похож стал на Сашу внешне: лицо – нос, глаза (правда, чёрные), моргает, морщится, покачивает головой – всё, как Саша. Когда был дома, много читал, играл на пианино, учился играть на баяне... Но очень стеснительный.

У Андрея же прорезается властность, “ндрав” – как сказала бы моя бабушка, настойчивость в работе. Всё лето работал в институте, написал маслом четыре картины, три картины углём. Пригласил меня в институт в мастерскую, которую отгородили три молодых преподавателя по рисунку (Андрей в том числе) от аудитории студенческой, показал работы. Осенью у него на выставке молодых художников экспонировались три работы.

Милые друзья, благодарим – я и сынищи – за подарки, за дружбу, теплоту и любовь. Будьте счастливы!

Целуем.

Кухны.

6 декабря 1980 г.

Лилечка, Вячеслав Литвинов (радиодиктор Новосибирского радио) в своей радиопередаче, посвящённой 70-летию Новосибирского радио, очень тепло вспоминал о твоей работе на Новосибирском телевидении. Всё вспомнилось – прекрасное, давнее. Любим вас все очень! Привет от Андрея, Тани. Целуем.

О. К.

28 сентября 1981 г.

Добрый день, мои милые!

Сердце моё переполнено нежностью к вам, без твоей помощи в публикации в московских журналах стихов, Алик, кто знает – какой бы получился раздел “Из неопубликованного” в книге.

Лиля, Алик, напишите мне хоть немного о книге; как она – на ваш взгляд*. Я очень жду весточки от вас, мои родные.

Фотографий Лежена и Асеведо поместили мало, может быть, наше издательство выпустит книгу о Лежене, тогда в ней будет больше фотографий.

Очень жду от вас письма.

Целую, скучаю – и очень люблю. Ольга. Привет от Сергея.

P. S. Книги Сашины я ещё вам вышлю (эти из авторских).

13 января 1982 г.

Добрый день, Лилечка, Алик!

В один день получила письма от вас и Татьяны Фёдоровны. Очень рада этому. Андрей, видимо, сейчас (поездку хотели организовать на неделю) должен позвонить. На Новый год уезжал в Электрогорск (Подмосковье) в гости к моему дяде. У него два взрослых сына, один окончил год назад Московский железнодорожный институт, другой учится ещё (дяде – 52 года). Андрей прожил у них 2 дня. Доволен. Довольна поездкой в Москву и Татьяна.

11 января мы с Татьяной, прихватив с собой подарок Александра Шилова (на рекламе – портрет молодой женщины), “Огонёк” и “Смену” с репродукциями картин Шилова, отправились к Леониду Михайловичу Ямбикову, фотокорреспонденту, который сфотографировал могилу и памятник (я присылала вам фото). Леонид Михайлович, фронтовик, добрейшей души человек, друг Сашеньки, который свято бережёт его книжки, любит живопись, слушал Татьяну с большим вниманием, расспрашивал о картинах, о самом Шилове. Он стоял на выставку картин Шилова в Москве зимой 7 часов (в залах – только 40 минут), влюблён в его творчество. Я впервые увидела очень серьёзного, умного поклонника, это по-человечески красиво.

И Татьяна – подробно, серьёзно, интересно, умно рассказала о мастерской, о картинах. Я любовалась ими. Такое общение с людьми – самое драгоценное, что может быть в жизни.

Леонид Михайлович очень любит Андрея, так же как в семье Юлия Моисеевича Мосткова Андрей всегда получает ласку и привет. Это очень дорого нам.

Лиля, дорогая, не терзайся, что Андрей был мало у вас. Он ведь сдавал много зачётов. Ты видишь, какое впечатление (и это на всю жизнь!) было от посещения мастерской Шилова, а организовала это ты! Не так-то просто прийти к Шилову, да ещё не на один час. Это самое главное, что вы с Аликом сделали для моих ребят. Андрей ещё появится у вас.

Я ведь всё понимаю. Чувствую, люблю (как и Саша) ваши золотые сердца, распахнутые людям, но и знаю про перегрузки – и Алика, и твои! Только бы это люди ценили, только бы понимали вас!

Лиля, Алик! 15 апреля – пятидесятилетие со дня рождения Саши. Где-то, наверное, 16 апреля (в пятницу или в субботу) соберёмся в Союзе писателей. Если сможете – приезжайте! Если не сможете – напишите.

Большая просьба к Алику. Алик, дорогой, достань, пожалуйста, 1 цветную слайдовскую плёнку (только свежую), американскую или ФРГ. У Андрея на это деньги есть, я ему выслала. Ямбиков хочет портрет девушки (на рекламе)

* Речь идёт о книге А. Кухно “Слова, зовущие к добру”, Западно-Сибирское книжное издательство, 1981.

перенести на слайд. Плёнки нет, здесь её никогда не достать. Милый Алик, очень тебя прошу, доставь такую плёнку!

Всего вам хорошего, во всех ваших делах, здоровья вам и радостей, успеха в помощи вашим родственникам. Большой сибирский привет Димочке! Дай Бог ему тоже здоровья и успехов во всём!

Целуем, обнимаем вас с Сергеем.

24 октября 1982 г.

После рецензии о книге “Слова...” в “Новом мире” (1982, № 8) пришло письмо от московского профессора Зак Людмилы Марковны с просьбой выслать ей лично (она – член правления общества “СССР – Франция”) и парижским историкам Марсель и Сесиль Picard, написавшим историю предместья Парижа Баньоле, где родился А. Лежен, книгу “Слова...”. В своё время она по просьбе Picard посылала газетные очерки Саши о Лежене в Париж (ей высылали из Новосибирска друзья), но теперь материалов в книге о Лежене значительно больше, и она попросила книгу “...тогда попробую Вас связать с Picard”.

Получила письмо от Дунаевского Владимира Арновича, доктора исторических наук, профессора Московского института истории, филологии и философии, тоже с просьбой выслать ему книгу.

Вот его письмо:

“Сердечно благодарен Вам за подарок, который открыл мне хорошего и человеческого человека. Грустно только, что свидеться с ним уже не удастся...”

В связи со 100-летием Парижской коммуны я опубликовал несколько статей и брошюру “Парижская коммуна 1871 г. в трудах В. И. Ленина”. Тогда же я начал читать спецкурс “Парижская коммуна и Россия”, а также выступил с лекциями на эту тему в ряде городов. И в этот период, изучая юбилейную литературу, я впервые столкнулся со статьями Александра Антоновича об А. Лежене.

...Между нами, историками, и литераторами, выступающими в жанре исторической документалистики, а тем более романистики, существует немало противоречий. Основное из них – мнение писателей о их праве на вымысел, причем весьма широкий и мало чем ограниченный. Иными оказались статьи Александра Кухно. Он шёл от источника и скрупулёзно стремился проверить каждый факт. И теперь, когда в моих руках его книга, можно увидеть и творческую лабораторию автора, пути его поиска, общение с людьми и т. д.

Вы имели полное основание назвать любовно подготовленную Вами книгу к печати Александра Антоновича “Слова, зовущие к добру...”. Эта книга невелика по объёму, но в ней столько тепла и любви к людям, что лишний раз убеждаешься в том, насколько выше слова, идущие от сердца, всего написанного бойким пером равнодушного человека”.

В. А. Дунаевский – заместитель председателя научного совета по проблемам историографии. Председатель этого совета академик М. В. Нечкина (у неё работы – о декабристах).

Вот такая новая жизнь у книги Сашенькиной.

Лилия, милая, напиши коротенько о себе, письмо. Жду!!!

P.S. Новосибирск простился с писателем Ильёй Михайловичем Лавровым. Саша его очень любил, посвятил ему стихотворение “Ах, какие у нас метели...”

9 сентября 1983 г.

Добрый день, дорогой Алик!

Как подарок судьбы была для нас с Андреем эта поездка в Москву – музеи, улицы Москвы, встреча с Татьяной Фёдоровной, с вами, дача, ваш красивый лес, прогулка с тобой утром, ваши родимые лица, ваши голоса, приветливость и усталость Лили, и стайка молодёжи, и мой застенчивый Андрюшка среди вас, и чуткий, милый Дима! Мы с Андреем всё это, как говорится, вобрали в сердце, я так – на всю жизнь!..

24 апреля 1984 г.

У нас всё по-прежнему, в 1985 г. в библиотеке “Сибирская поэзия” выйдет сборник стихов Саши, я уже сдала в редакцию.

Лилечка, спасибо за приглашение приехать к вам летом, но не знаю, как будет с Сергеем, если состояние у него будет неплохое – надо будет с ним летом отдохнуть, хотя я с ним сейчас в постоянном напряжении: он стал капризнее, беспокойнее. У Андрея взяли на Всесоюзную выставку рисунка и акварели – 4 рисунка. Вот и все наши новости.

23 февраля 1985 г.

Дорогой Алик, огромное спасибо за то, что согласился написать предисловие, ведь ты вдохновитель, поддержка Сашеньке – крёстный отец всех материалов о Лежене. У Саши даже сохранилась страница (сам её печатал на машинке), где – о тебе. Видимо, документальную повесть о Лежене он хотел начать с этой статьи – “Сто вопросов Адриену Лежену” и так... Я переписала себе страницу, а тебе посылаю эту – на добрую память. В Литературный музей (при Краеведческом музее) я отдала уже некоторые вещи Саши и страницы с его стихами (рукописные), отдам и эту страницу (я её недавно нашла).

26 июня 1985 г.

Поздравляю Лилечку, хозяйшку, хлопотунью, умницу, красавицу, с днём рождения, а весь ваш светлый дом, всех вас с таким тёплым и радостным праздником!

Лилечка, вижу тебя, твои приветливые, сверкающие глаза, твои нежные губы, улыбку твою – мне всегда было так уютно, радостно с тобой, как и Сашеньке когда-то, как Андрею с Таней, Серёже моему, как многим и многим! Будь счастлива, родная! Поздравления тебе шлют Сергей, Андрей, Таня.

Алик, пришел из Москвы темплан на 1987 год, где утвердили Сашину книгу об А. Лежене “Жизнь под Красным знаменем” – 8 листов. Это расклейка из книги “Слова...” и добавления, два экземпляра которых я тебе послала по почте. Надо уже срочно работать над предисловием. Сообщи, пожалуйста, когда ты пришлешь его – главный редактор требует книгу в комплекте. Предисловие надо – на 0,4 листа примерно.

Очень прошу, передайте от нас с Андреем сердечный привет Ю. Иванову, это была для Андрея незабываемая встреча. Спасибо вам за всё, дорогие!

Сергей чувствует себя сейчас неплохо.

Алик, пожалуйста, сообщи, когда будет готово предисловие.

20 декабря 1985 г.

Дорогие мои, милые Лилечка, Алик и Дима, поздравляем вас с Новым годом, желаем прежде всего – здоровья, успехов и счастья!

Рада была узнать, что юбилей у Алика прошел прекрасно: сколько Алик сделал в жизни славных дел, скольким людям оказана им бескорыстная и сердечная помощь, сколько написано прекрасных книг – это всё достойно удивления и восхищения! Вспоминаю его родное и милое лицо, вас всех, Лилечка, когда Андрей рисовал Диму в мундире Лермонтова... Господи, да ведь это было счастье, потрясения для нас с Андреем – Москва и вы все!

1985 г.

Дорогой Алик, твой “Реквием другу”* – это потрясение для меня: высокая правдивость во всех деталях, искренность, нежность и любовь к Саше. Ты – как брат Саши. Это моё сердце запомнит навсегда! Спасибо тебе великое!

Я много раз прочла – и показала редактору и Нине Сергеевне Семаевой. Второе потрясение: такое предисловие, именно к книге о Лежене по редакции массово-политической литературы, к юбилею (70-летию) Октября, где много о Саше, о его творческой судьбе, не подходит. “Надо небольшое предисловие, страницы на 4–5, отражающее только работу Александра Кухно по собиранию материала о Лежене”, – так мне сказали.

* “Реквием другу” – предисловие А. Лиханова к книге А. Кухно “Жизнь под Красным знаменем”, включённое в неё лишь фрагментарно. В настоящем издании публикуется в преддверии этих писем полностью в первоначальном виде.

Извини меня, Алик, родной мой, по-другому написать о Саше, ты, наверное, не сможешь. И мне больно и стыдно: ты рвал сердце, тратил своё драгоценное время и силы, а вот как вышло! Прости меня, прости меня, Алик! Выход из положения тогда такой – рассказ Саши до его статьи “По следам коммунара Лежена” (в книге “Слова...” этот текст идёт курсивом – стр. 182–184) и будет предисловием. Твою статью, с твоего согласия, я постараюсь в дальнейшем напечатать.

Поздравляю Диму с рождением сына, тебя и Лилечку – с рождением внука! От всего сердца желаю вырасти ему здоровым, умным и добрым!

1986 г.

Лилечка, спасибо тебе за новогоднюю открытку – чувствую, как тревожно иной раз вам живётся – и с малышом, и с работой у Алика... Видела в магазине 4-томник Алика, как это здорово! У нас в магазине, который выдаёт за деньги домой труднодоступную литературу – классическую и т. д. Рада за вас!

1987 г.

Дорогая моя, я пошла на пенсию, жизнь усложнилась и ещё больше усложнится. Думала, потихоньку с Сергеем – два пенсионера – проживём. У него пенсия 70 рублей, у меня – 132 рубля. Но вдруг потребовали в психиатрической больнице платить за Сергея (он хроник, “иначе в больницу хроников за городом забирайте”) – 120 рублей в месяц. Я в ужасе пошла в горздравотдел, и там дали нагоняй врачам – с меня, пенсионерки, 50 рублей запретили брать, но пенсию Сергея в больницу всю забрали. А он курит, может, это единственное удовольствие у него. Папиросы у цыган покупаю по 3 рубля за пачку. Из моей пенсии на курево уходит всё равно 45 рублей на Сергея. Да домой беру на субботу и воскресенье (10 дней в месяц), кормить на что-то ведь надо. В больницу обязательно 2 раза в неделю хожу – тоже деньги. Вот такая жизнь у нас с Сергеем. Чувствует он себя неплохо. “Вы самая заботливая мама”, – говорит мне врач. Потому и не отдам в больницу хроников, хоть там бесплатно бы его держали. Но я стараюсь поддерживать его здоровье, часто вижусь с ним, и он чувствует заботу, не тоскует!..

Лиля, мне на Новый год не написала Т. Ф. Редько. Ты не знаешь, что с ней? Напиши о себе, Алике.

Всем привет от Андрея, обнимаю

Ольга.

1987 г.

Слава Богу, Серёженьке стало лучше, беру его домой, когда врач разрешает; Андрей в декабре был на курорте Карачи, институт, где он работает, дал ему бесплатную путёвку – он большой общественник в институте – лучший куратор студенческих групп, недавно назначили старшим преподавателем, повысили зарплату на 40 рублей. Таня защитила диплом с отличием – измоталась, похудела. Сейчас уже ей будет легче работать, стала тоже старшим инженером. Бывает в командировках. А вот внуков нет... Целую малыша, целую вас всех – привет от сыновей моих. Лилечка, пожалуйста, напиши мне!

Рады за Алика, за Диму – хорошие статьи у него в “Огоньке”! Будьте здоровы все!

1987 г.

Милые мои Лилечка, Алик!

Поздравляю вас всех с великим праздником – 70-летием Октября, родные мои, я горжусь вами, я, хоть и далеко от вас, но никого роднее для Сашеньки и меня не было и нет – это и ваша человеческая красивая сила, это ваш труд – такой необходимый для Родины: я люблю, Алик, я горжусь, что ты поднял такое дело всенародное по охране детства.

Слышала по радио, что Дима работает смело, серьёзно!

Дети мои – Серёжа в это лето болел, редко отпускали домой, я часто ходила в больницу, кормила его. Читает он много, но было обострение – мания преследования, боялись отпускать домой. Тяжело, больно...

Андрей два месяца был на худож. дачах, много работал, Куприянов, художник, был у него руководителем. Курсовка дорого обошлась, почти весь гонорар за книгу “Жизнь” отдала Андрею – по 3 рубля в день квартира, да материалы надо было купить для работы. Но я очень рада за него – рядом были серьёзные помощники.

Лиля, Алик, напишите, пожалуйста, как вам книга “Жизнь под Красным знаменем”? Я очень жду от вас письма, очень!

8 февраля 1987 г.

Лиля, Алик – в этом году Сашеньке исполнилось бы 55 лет. Давайте вспомним его “тихим словом”, вспомним его лицо, его улыбку... и его ярость. Милые мои, побудьте со мной в эту минуту, когда читаете письмо. Мне с каждым годом всё тоскливее и страшнее без Сашеньки! Я никому так не пишу, а сейчас не могу сдержаться.

А. Никульков в 1986 г. сделал телепередачу о творчестве Сашеньки – десятиклассники Академгородка читали стихи, говорили о творчестве Саши. Хорошая телепередача. В ДК Горького – в ноябре о творчестве Саши.

В этом году в школе прапорщиков тоже была встреча с поэзией Саши, будет ещё и в библиотеках города. Вот мой маленький отчёт.

По Новосибирскому радио подготовил передачу о творчестве Саши Виктор Крещик.

Родимые мои, спасибо вам за всё, что сделано вами для Сашеньки и при его жизни и... Спасибо, Алик, что посетил Татьяну Фёдоровну, когда она заболела. Она писала мне об этом в письме. Это все драгоценные подробности нашей жизни.

Будьте здоровы, берегите Ванечку!

У нас пока всё по-прежнему, только бы был относительно здоров Сергей, да не кис бы Андрей.

Приглашу друзей 14 или 15 апреля, если бы вы смогли приехать, была бы счастлива, но я понимаю, что не всё в нашей власти.

1990 г.

Милые Лилечка, Алик, сердечно поздравляю вас с Новым годом, а также Диму и Ванечку – пусть наступающий 1991 год будет добрым для всех нас, для страны!

Дорогие мои, я пошла на пенсию, но иногда работаю – веду корректуры книг Николая Рериха.

Я уже писала, что Андрей заболел – щитовидка, но сейчас намного лучше. Хотя постоянно надо лечиться.

Сергея часто отпускают домой – вот так и живём.

В 1992 году – 60-летие Сашеньки. Я не уверена, что книга Саши (а я рукопись отдала в Новосибирское книжное издательство – включив поэму “Море”) будет издана: бумаги нет, в издательстве паника, идёт сокращение работников – как и везде... Как и везде – в Новосибирске трудная жизнь!

1991 г.

В этом году на даче срубили 6 аварийных берёз – освободилась земля под картошку. Будем “хозяйничать” на своей земле!

Я, наверное, писала, что будет в 1992 г. книга Саши с поэмой “Море” – я добилась, ходила к директору Новосибирского издательства. Мои дорогие, я счастлива, что получила от вас весточку. Т. Ф. Редько прислала мне каталог К. Н. Редько с его персональной выставки в Русском музее.

15 апреля 1992 г.

Лилечка, Алик, трудно мне далась эта книжечка – “Вашей учусь любви...”: книготорг запрещает планировать поэтические сборники издательству.

Сначала уговаривала директора издательства, потом ходила к директору книготорга — и вот к 60-летию Саши появилась книжечка в 3 листа, тираж — 1 тысяча. Но какое это счастье, что вышла книга!!!

Алик, я отдала в “Сибирские огни” твои воспоминания о Саше, есть у них материалы и других писателей о Саше. Но журнал не набрал тираж — и неизвестно, будет ли он существовать... Редакция работает — без зарплаты уже 2 месяца, найти хотят спонсора. Ходила в “Сибирские огни” недавно, обещают, если будет журнал функционировать, напечатать.

В журнале “Слово” (1991, № 12) опубликован рассказ писателя Василия Афонина, в нём — о Сашеньке. Я очень рада этой публикации.

Василий Коньяков пишет о Саше (к его 60-летию) в газету “Советская Сибирь”. Вот вам полный отчёт, друзья мои.

Живём нормально! Андрей — старший преподаватель в Архитектурном институте. Сергея часто беру из больницы, готовлю ему вкусные обеды: торты делаю домашние — мука, кефир, 2 яйца, варенье — и не за 40–60 руб. торт, а за 5 руб. Он улыбается: “За такие обеды и в ножки можно поклониться, мама”.

1993 г.

Лилечка, дорогая моя, пишу тебе письмо, а перед глазами Останкино, где вы жили, аллея около Тимирязевки, очень похожая на нашу аллею на пл. Калинина (к аэропорту ведущая), Университет на Ленинских горах, куда попросил нас с Сашей Сергей свозить его, Внуково, дача ваша, друзья в Москве, Татьяна Фёдоровна и вы — ласковые, заботливые, деятельные и талантливые, милые мои Лиля и Алик! Милые мои! Спасибо тебе за память, Лиля, за подарок, за приглашение, но приехать не решусь...

Лилечка, нет со мной рядом Серёженьки. У него начались припадки эпилепсии — ухудшилось состояние здоровья... Милый мой сыночек, царство ему небесное, вечный покой — недолго мучился — за 3 месяца ухудшилось состояние, умер во сне. Я ходила каждый день в больницу, кормила его. Царство небесное Сашеньке и Серёже, вечная память. Утром и вечером каждый день я прошу Бога защитить их, я молюсь, хожу в церковь (не часто).

Нет писем от Татьяны Фёдоровны Редько. Что с нею, Лиля, напиши, пожалуйста, пару слов.

Андрей по-прежнему работает преподавателем в Архитектурном институте, теперь — старшим преподавателем. Участвует в выставках. Прошлым летом выходил на улицы города рисовать здания Новосибирска — акварелью их рисовал (Вокзал, Оперный театр, Центральный дом книги и другие). Потом в этом году, году Столетия города, сделал картины маслом (перечисленные здания) — и у него купили 3 картины в Салоне Новосибирска иностранцы. Андрюха доволен, конечно. И вообще, когда он отдает в Салон картины на продажу, у него их все покупают. Но он делает их небольшие, недорого. Большой привет вам всем от него и жены — Тани, она была у вас с Андреем однажды.

Дорогие мои, у меня новость: в № 1–2 (93 г.) книжке “Сибирских огней” (это один номер: из-за отсутствия денег они стали тоненькие. Журнал выдворили из здания на снег прошлой зимой, их приютили спонсоры. Многие материалы идут без гонорара) напечатали Сашины стихи, которые я обнаружила недавно, немного с опозданием к 60-летию. Гонорар платить нечем, да мне и не надо. Но вот что: не смогли напечатать воспоминание Алика о Саше, это мне очень больно. Надеюсь, что всё-таки напечатают. Опубликовали 10 стихотворений.

18 января 1996 г.

Милые, родные мои Лилечка и Алик, спасибо огромное за новогоднее поздравление, за приглашение приехать к вам! Спасибо! Мои дорогие, у всех напряжённая жизнь, заботы, хлопоты, а у тебя, Лиля, тройне — всю жизнь, как и у Алика — с его непростой работой. А это всё нервы — отсюда и болезни.

Господи, спаси и сохрани моих любимых — Лилю и Алика. Алику, действительно, нужно подлечиться в больнице — будьте благоразумны — не надрывайтесь, мои трудяги, талантливые и яркие друзья — во всём!

Судьба наградила вас внуком; Лилечка, радуюсь, что он рядом с тобой, его успехам. Как мне этого не хватает! Ну, ничего...

Милая моя, редкие твои письма – как драгоценные камушки: распахнутые ваши сердца к друзьям, к жизни, вы такие щедрые и ласковые. И вас люди любят, я это знаю. Для меня вы святые, потому что Сашеньке было с вами интересно, спокойно и счастливо! Он любил вас. Я вас очень люблю и буду Бога молить за вас. Я хожу в церковь, редко, правда, но я верю в Добро и Милость Господа нашего, в могучую, добрую Эволюцию жизни.

После ухода Саши из жизни я обнаружила книгу в книжном шкафу в пожелтевшей газете – это была Библия. Видимо, когда я была на работе, он читал её – как прекрасный образец духовной культуры, и... успокаивался.

Лилечка, приехать я не смогу, хотя очень хочется: я подрабатываю на квартиру, оплата квартиры такой большой – половина моей пенсии, да еще – дорогая охрана. Менять пока квартиру не буду – живу 18 лет без Саши и пока в другом месте житьё не представляю.

...Не помню, писала ли я, что Андрея приняли в Союз художников по жанру – графика. Работает. В школе №95 организован литературно-музыкальный клуб старшеклассников “Парус” им. Александра Кухно. Проводятся вечера поэзии новосибирских поэтов. Ребята читают стихи. По радио в этом году было несколько композиций по стихам Саши. Я очень благодарна всем. Всего вам доброго. От Андрея и Тани – поздравления. Обнимаю.

Ольга.

2002 г.

Лилечка, милая, тебя любят люди, прими и моё уважение и любовь! Твой прекрасный духовный и душевный мир, стойкость духа и женственность, красота и доброта – вот такой я вижу тебя все годы нашей дружбы.

Безмерно люблю тебя, желаю здоровья, радостей и благополучия! Я благодарна вам за огромную душевную помощь во всём. Люблю вас, ласковых и щедрых во всём!

Андрей и Таня работают, а это сейчас самое главное, живут дружно. Но нет внуков – печально.

Андрею из Москвы прислали диплом учёного звания доцента.

70-летие Саши в городе прошло отлично – школы, библиотеки, в Краеведческом музее. Наконец-то присвоили Криводановской библиотеке имя Саши. Он для меня все, был и есть, будет! В Криводановской библиотеке часто будут проходить вечера поэзии – стихи Саши и других новосибирских и сибирских поэтов. Спасибо Алику – у меня теперь будет работа по этому замечательному поводу!

2002 г.

Милые Лиля, Алик!

70-летие Саши, его творчество отметили новосибирцы ярко, сердечно:

15 марта – в школе №110, где я впервые после института преподавала и где учились наши дети, где выступал Саша. Старшеклассники.

20 марта в Областной юношеской библиотеке – вечер поэзии Александра Кухно. Старшеклассники.

5 апреля – в гимназии №9 (бывшая школа №155, где учились наши дети, где выступал Саша часто). Любители поэзии. В музее школы – уголок поэта А. Кухно.

9 апреля – в Краеведческом музее – учащиеся кооперативного училища.

12 апреля – в радиостанции “Слово” – Новосибирского радио. Чтение стихов.

15 апреля – юбилей провели в Новосибирском книжном издательстве, приглашены писатели. Тёплое и нежное отношение к Саше. Хорошо говорила Нина Сергеевна Семаева – директор издательства.

27 апреля – в школе-лицее №95, где литературный клуб им. А. Кухно, прошел замечательный праздник – дни славянской письменности, районный праздник – собрались учащиеся и преподаватели из других школ, во 2-м отделении “Литературная страница”, посвящённая творчеству А. Кухно.

Красиво оформленная сцена, где большой портрет Саши. Семеро десятиклассников – юношей читали стихи, музыка, необычно, сердечно и ярко. 10 лет уже клубу, спасибо им огромное за любовь к творчеству Саши. Это был замечательный праздник! Я была счастлива. Наталья Витальевна Морозова – заместитель директора, руководитель Эстетического центра в лицее – волшебница, всегда превосходно вот уже 10 лет устраивает встречи учащихся с поэзией Саши.

7 мая – в Картинной галерее прошел поэтический вечер “Пять писателей на “К” после Грицюка” (есть такое стихотворение у Саши). Я рассказала о дружбе Н. Грицюка с друзьями (Фоняковы, Самохины, Кухно). Как Саша “нашёл” портрет А. Лежена у Т. Ф. Редько, Николай Грицюк в закупочной комиссии Союза художников купил его для Картинной галереи. Статьи твои, Алик, и слайды в журналах, отрывки из дневников – и в 1976 г. Т. Ф. писала в письме, что почти все картины К. Редько в музеях и галереях. Рассказ был выслушан со вниманием. Читали стихи Саши; музыка – скрипка.

12 мая – по Новосибирскому радио в передаче Теботина В. В. радиопозиция по рассказу “Откуда аз есмь...”, отличная композиция (военные годы, отец, бабушка Александра Михайловна, как мама относившаяся к Саше...)

13 мая – в школе №160 состоялась встреча учащихся с поэзией Саши. В школьной газете – его стихи. Ученики читали стихи и даже – директор школы, которую пригласили (по книге читала). *За апрель я прожила незабываемые часы...*

Милые мои, я не ожидала такого нежного отношения к Саше, его поэзии, к его сердцу, отданному людям, Родине, друзьям. Я никогда этого не забуду, как не забуду и вашей дружбы.

Теперь о библиотеке – это очень всё будет нескоро сделано. В ВАСХНИЛЕ хотят библиотеке присвоить имя академика Синягина, основавшего ВАСХНИЛ; не получилось присвоить имя Саши этой библиотеке.

Теперь решается вопрос о библиотеке в городке Кольцово (в черте города Новосибирска). Но директор библиотеки в Кольцово уехала в отпуск (21 день), и снова всё застопорилось. Без её разрешения нельзя...

Алик и Лиля, у вас трудное, печальное время – и как люблю я вашу отзывчивость, сердечность, дружбу!

Алик, милый, 70-летие Саши город отметил достойно! Не волнуйся.

Всего вам доброго, родные мои, спокойствие и равновесие духа вам желаю... Я всем сердцем с вами.

Привет от Андрея и Тани. В декабре 2002 г. ему выдали “Диплом III степени за участие в Международной выставке по графике”. Мы рады.

18 октября 2004 г.

Добрый день, милые мои Лиля и Алик!

Алик, 16 октября в Криводановской библиотеке на уроке литературы я выступила перед учениками 10-х классов “О творческой и общественной деятельности Альберта Анатольевича Лиханова”. Очень помогла мне книга Игоря Мотяшова – о творчестве и твоей комсомольской работе, о твоей заботе о молодёжи. На эту тему выступлю и в Литературном музее Новосибирска.

Рассказала о том, что в 1966 г. молодые русские и немецкие поэты посетили Тулу, Воронеж и Сталинград (прочла отрывок письма Саши ко мне о поездке в Сталинград), о твоих книгах, о дружбе с Сашей и постоянной твоей поддержке его – прочла отрывок письма Саши к тебе: “...Здорово помогает мне только один человек – А. А. Лиханов, к которому я век буду испытывать благодарные чувства и о котором скучаю...”

О работе в Детском фонде я читала отрывки из твоих статей в газетах (“Чужая жизнь, безжалостней моей, зовёт меня” – как к тебе подходит эта строка поэта Маркова). Самые страшные цифры о положении сирот в России я не называла...

Библиотека приготовила выставку из твоих книг, Алик, книг было много, дети читают их. Я прочла отрывки “Осенней ярмарки” (сравнила, что так же жестоко убивали детей в Беслане), из “Лабиринта” и “Солнечного затмения” (я особенно люблю эту повесть). На обложке книги “Никто” прочла сведения о тебе.

Педагоги сказали мне, что урок прошёл ярко, интересно.

Алик, очень прошу, пожалуйста, пришли в библиотеку (на мой адрес) книгу (из последних, если можно) с надписью.

Пожалуйста, пришли свою книгу с подписью и Литературному музею в Новосибирске (тоже на мой адрес). Музей называется “Новосибирская книга”. Я постараюсь найти дома книгу “Юрка Гагарин – тёзка космонавта” и подарю от твоего имени (и с твоей надписью мне, я корректор в книге) Литературному музею. Она ведь издана в Новосибирском книжном издательстве. Вот так мне хочется в Сибири – в Новосибирске – отметить твоё 70-летие. Извини за длинноты.

Еще раньше в библиотеке я рассказала ребятам о жизни и творчестве Н. Островского – к его 100-летию. Тоже была организована выставка его книг и фотографий.

Родимые мои, Алик и Лиля! Я люблю вас и благодарна вам за ваши щедрые сердца, за то, что вы так любите Россию.

“Только одно сердце может видеть, глазами многое не увидишь...” Сент-Экзюпери.

2004 г.

Милые Лия и Алик, пишу я вам в солнечный воскресный денёчек, вчера – в субботу трудились на даче, там у нас только кусты чёрной смородины, да немного викиории, – вот спешу сообщить вам, что наконец-то определили в отделе культуры библиотеку, которой присвоят имя А. Кухно.

В городе уже давно, сказали мне, нет свободной библиотеки, чтобы присвоить имя, а в Новосибирском сельском районе выбрали библиотеку в пригороде Новосибирска, в поселке городского типа – Криводановке, которой исполнилось в 2000 г. 300 лет (она была приписана когда-то к Томской губернии).

Мы с Виктором Зерновым-Крещиком, он председатель юбилейной комиссии в Союзе писателей, это он предложил в мэрии – назвать улицу именем Саши, чтобы ознакомиться с библиотекой.

На метро от моего дома до площади Маркса (конечная остановка метро) – 20 минут, потом тут же, недалеко, остановка маршрутного такси и до Криводановки 25 минут. Недалеко, асфальтовая дорога. Около остановки в Криводановке – Дом культуры, большой, красивый, и в нём библиотека. Большой читальный зал, в следующих комнатах – залы: взрослый абонемент и детский. Опрятное, светлое помещение. Работают три человека. Заведующая Людмила Николаевна – приветливый, интеллигентный человек. Мы понравились друг другу. Она работала в Новосибирске библиотекарем, и вот сейчас (из-за квартиры перевелась сюда) – 16 лет в этой библиотеке работает.

Я привезла большой, под стеклом, Сашин портрет, который к 50-летию Саши написал писатель Василий Коньяков, он когда-то окончил с отличием художественное училище. Привезла все 9 книжек Сашиних (4 – прижизненные и 5, выпущенные после смерти). Людмила Николаевна показала нам центральный стенд, который оформит под книги Саши и фото. Из Союза писателей и из отдела культуры приедут на открытие библиотеки, когда ей официально присвоят имя А. Кухно. Привезут свои книги. Я отдам твои книги, Алик, некоторые. Там будут проходить вечера поэзии сибирских поэтов и писателей... Я счастлива, что могу помогать в какой-то степени библиотеке в привлечении народа (из города будем приезжать на вечера, я уже знаю, кто согласится). В этом отношении будет помогать Крещик, кстати, ему в июне, на городском празднике, присвоено звание лауреата премии Гарина-Михайловского. Я счастлива, Алик, что твоё предложение о библиотеке осуществилось, и у Саши теперь появился четвёртый “дом” – первый, где родился, второй, где женился, третий – Союз писателей, четвертый – библиотека.

С января этого года каждый мой день был занят памятью о Саше, и люди трепетно помнят его.

Будем помнить наших родимых, пока мы живы.

Милые мои, Лилечка и Алик!

В Центре истории Новосибирской книги (Литературном музее) директор Наталья Ивановна Левченко 8 сентября устроила встречу библиотекарей, педагогов, посвящённую 70-летию Альберта Лиханова, известного писателя и общественного деятеля. Рассказывали она и я – мы прочитали книгу “Поле жизни...” до встречи, подготовились. Я рассказала о и дружбе нашей, как Алик помогал Саше, как вы были внимательны к нему, как любили его, нас...

Сейчас я как-то сухогато написала, но поверьте, рассказ наш был эмоциональным, полным уважения и признательности к Алику. Собравшиеся были тоже взволнованы, заинтересованы рассказом. Нина Сергеевна Семаева подошла позже и сказала мне, что многого о тебе, Алик, не знала. Были зачитаны высказывания Астафьева, Алфёрова и других из книги “Поле”...

Я очень благодарна Наталье Ивановне, что она предложила устраивать встречи такие об Альберте Лиханове, она сделала замечательную выставку.

На 1-м стенде “Поле жизни Альберта Лиханова” – фотоматериалы, издания книг с автографами Алика (Яновскому, Кухно, Самаевой и др.), иллюстрации к книгам Алика Юрия Иванова. На 2-м стенде “Хранитель детства” – книги Алика. На 3-м документы об издании книжной серии “Молодая проза Сибири”. Немного – письма Саши и Алика (первые письма). Фото Лежена, фото художника К. Редько, написавшего портрет его перед войной в Барвихе, и фото Т. Ф. Редько, вдовы художника.

Я рассказала, как вы посетили её, как Аликом были опубликованы его небольшие рассказы о художнике и фото с картин в московских журналах “Москва” и “Искусство”. Картины стали брать у вдовы в музее. Алик сделал великое дело!

А после ухода Саши он опубликовал его стихи в московских журналах – тоже мне очень дорого.

В общем, всё, что мне дорого – золотое сердце Алика, его подвижничество в любом деле, за которое он берётся (рассказала о Детском фонде), ваша семья – на выставке книга Димы “Ищу деда”, изящная книга-альбом о тебе, Лиля, – обо всём этом я постаралась рассказать тепло и полно – и о том, что ты, Лиля, работала на Кировском телевидении и на Новосибирском.

Я отдала Литературному музею картину, которую Алик привёз Саше из ГДР.

По телевидению рассказали о выставке, по радио была информация о том, что “будут встречи с читателями о творчестве А. Лиханова” в Литературном музее и об его общественной деятельности. И такие встречи состоялись – с учащимися педколледжа, с учащимися 5–6 классов, запланированы – с гуманитарными классами 132-й школы. Выставка и встречи будут больше месяца.

В Криводановской библиотеке им. А. Кухно я тоже проведу встречу с учащимися и педагогами, покажу книгу “Поле жизни...”, фотографии.

Вот мой отчёт вам, мои дорогие...

Надеюсь, юбилей прошёл достойно. Всё это стоит нервов. Ещё раз поздравляю Алика и всех вас!

12 апреля 2006 г.

Лиля, получила твое письмо. Спасибо за пожелание мне успехов в “тех делах, которые наполняют твою жизнь”. Мне твоё слово дорого! А сердце переполняет боль, унижение от теперешней жизни. И когда я буду делать доклады – собеседования в Криводановской библиотеке перед старшекласниками о 100-летию нашей замечательной поэтессы Елизаветы Стюарт, о 95-летию писательницы Елены Коронатовой, сердце как-то отойдёт.

Е. Стюарт (война) –

*...И это всё под силу
прекрасному народу моему.*

И она же:

*Что за чудо — простые слова:
“Помогу”, “поддержу”, “пожалую”...
Этим даром не каждый владеет —
Доброта не во всяком жива.*

Читаем её и других поэтов стихи – библиотекари, ученики и я.

Мы с Сашей дружили со Стюарт и Коронатовой. На Всемирном русском соборе владыка Кирилл говорил, что нужна помощь людям. И 8 апреля Алик по телевидению: “Мы говорим – нефть, газ – ресурс, но главный ресурс – доброта”.

Это “материнское чувство жизни”, как говорил Михаил Пришвин, пронизывает всю вашу жизнь, Лиля! Всем сердцем люблю вас, мои самые дорогие! Я каждое утро молюсь за вас, за ваше сердце и прекрасные устремления помочь детям России! За ваши дела! Лиля, очень тебя прошу – напиши *слово благодарности* (мне в письме, я передам) директору Литературного музея Новосибирска Наталье Ивановне Левченко за проведение тематической встречи, “посвящённой 70-летию Альберта Лиханова, известного писателя и общественного деятеля...” Лиля, фото, книги Алика на выставке “Хранитель детства” и другие материалы были в музее месяц. Были беседы, приходили учащиеся из школ, техникумов.

Привет и пожелание здоровья, успехов от Андрея, Тани. Она стала больше получать – зарплату. Иногда даёт мне деньги на лекарство. Я уже 4 года весной и осенью хожу на уколы – от катаракты.

22 июня 2006 г.

Лилечка, мне неловко, что ты сделала мне такой подарок! Но в письме я тебе написала – раньше, что не смогу приехать – серьёзно буду лечить спину. Если бы ты видела, как меня согнула спина, сейчас получше – ношу пояс.

Но деньги я использую на благо – уколы очень дорогие, их делать надо будет 2 раза – с перерывами. И на остальные лекарства нужны деньги. Милая, вот и пригодятся мне деньги!

Все мы трепетно любим вас; извините, что не смогу приехать. Но ваша помощь так нужна мне сейчас...

Всего вам доброго, удивительные мои!

27 мая 2007 г.

Лилечка, Алик, какое письмо, ласковое, сердечное, вы мне прислали! Спасибо огромное за столь высокую оценку книги. Алексей Горшенин этому рад: “значит, она зацепила”. Он, действительно, полюбил Сашу, когда писал книгу. Все это отмечают.

Ему 60 лет. 22 мая, когда я получила драгоценное письмо ваше, он позвонил мне и рассказал, что из мэрии Новосибирска и писатели сообщили ему, что он стал лауреатом премии им. Гарина-Михайловского (у него вышла солидная, интересная книга “Лица сибирской литературы”). Я ему передала вашу благодарность за книгу “Большое сердце поэта”. Он благодарит вас. Он прозаик, критик.

Алексей часто приходил, когда писал книгу. Вопросы, уточнения по моему дневнику. Когда он принёс оригинал, я поняла, что книга получилась неплохая. От Фояняковых тоже получила письмо – с высокой оценкой.

В год 75-летия Саши состоялись поэтические вечера в библиотеках города и в Криводановской библиотеке имени Саши. Раздавала там книги с его стихотворениями и “Большое сердце поэта”. Книга всем понравилась, позже звонили, собрались библиотекари из 30 библиотек района, Алик, благодарю, что ты предложил, чтобы библиотека была имени Саши! Она в пригороде, 50 минут от метро на автобусе. Там бывают в день его рождения настоящие праздники!

Алик, Лиля, вам всегда были дороги (и Саше тоже) совесть, доброта, честь, любовь к Родине. Часто при творческих встречах повторяю твои слова, Алик: “Говорят, что наш резерв – нефть, газ... а настоящий резерв – доброта” (по телевидению, апрель 2006 год). В молитве: “Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой”. Саша тебе в письме писал “Заступа моя”. В стихотворении “Алёнушка”: “И перед тобой, заступница, тёмный лес расступится”. Милые, этим жили и будем жить!

“Поезд памяти” увезёт в глухие села Новосибирской области сборники стихов Саши и книгу “Большое сердце поэта”, как и книги других поэтов и писателей. В поезде врачи, писатели, артисты, отец Тихон, сотрудники из Общества книголюбів, которые мне помогли издать книгу Горшенина.

Вот мой отчёт вам, дорогие мои.

Алик, ты правильно почувствовал: сиротство, тяготы чужой вины, которые мы оба как-то преодолевали, ранимость — писал мало, но благородство чувств и взыскательный вкус... Ты об этом писал. Ну а теперь-то вообще он был бы никому не нужен: бойкие, с ледяными глазами “новые” политики, писатели, артисты, “новые” читатели — да кто им сейчас нужен, кроме денег и личного комфорта?!

20 ноября 2007 г.

Милые мои, родимые Лилечка и Алик! Посылаю вам газету “Советская Сибирь” со статьёй о Саше к его 75-летию. Мне она нравится. Написала её Галина Валентиновна Черезова, хороший, честный журналист. Сашу она не знала, но очень, очень любит его творчество.

Алик, извини, пожалуйста, что я для статьи дала ей твоё письмо. Оно такое родное, нужное людям своей правдой, любовью к Саше.

Дорогие, прочла статью “Что с нами, люди добрые?” Сердце защемило от того, что ты делаешь, Алик, для детей России и что делают чинуши, без сердца и стыда, без совести.

Я горжусь вами, Лиля и Алик, за вашу смелость и любовь к Родине!.. Никого дороже вас у нас с Андреем нет!

Прошли интересные, яркие встречи о творчестве Саши в Криводановской библиотеке, педуниверситете и в библиотеках города. Песни и стихи, стихи...

12 марта 2008 г.

Лилечка, Алик, родимые, ласковые, получила от вас телеграмму, огромное спасибо — за всё, за всё! И сердце отвечает Сашиными строчками:

Может, вами одними живу...

12 марта город отметил 30-летие со дня кончины Саши: в самой большой красивой Областной научной библиотеке состоялся вечер памяти Саши “Раннимы мастер”. Пришло много народу, кому дорого его творчество, и много знакомых. Вспоминали, читали стихи. И ведущая Ирина Гайлес познакомила с биографией Саши. Все было замечательно! Вот такой же отличный вечер памяти прошел в Криводановской библиотеке имени А. Кухно, теплая взволнованная обстановка, слайды, музыка (2007 г.), и в библиотеке педагогического университета (2007 г.). И самое главное — люди сами устраивают эти вечера, значит, помнят, любят стихи Саши, его душу.

19 июля 2008 г.

Дорогие мои — Лилечка и Алик! Пишу вам горестное письмо о том, что я не смогу приехать к вам — даже по поводу книги Саши.

Сейчас все по порядку. Несколько лет назад, когда Таня возвращалась зимой в 7 часов вечера, на неё напали. Раздели, недорогою шубку стащили — и она в мороз дошла до дому. Была потом в больнице, вылечили её от простуды. Ходят по врачам. Первый раз исследовали мозг — помещали Андрея в какую-то камеру, не знаю, как называется, через несколько дней 2-й раз — он не выдержал, закричал. Сейчас надо — на компьютер, записались на очередь. Каждый день всё это на нервах, как пойдёт лечение дальше. Пока с памятью улучшения нет. Да ещё и у Тани срыв...

Родимые мои, никогда не думала, что будет так в нашей семье.

23 июля 2008 г.

Родимые мои Лилечка и Алик!

У меня неладно с Андреем. Частичная потеря памяти. Таня ему пишет расписание (узнаёт у секретаря), он ходит на работу. Бойтся оставаться дома один. Таня часто ходит с ним к невропатологу, и были у психиатра. Пьёт лекарства, которые они назначили. Сейчас у него отпуск, и надо всё сделать к началу учебного года. Ему 52 года, Господи, Помогите и Сохрани нас! Как мы

с Таней выдержим? Часто кричит, нервничает. Я как могу – помогаю ей. Вся на нервах: и давление у неё и у меня высокое.

Я глушу себя работой. Всё продумала, как сделать Сашину книгу. Но приехать не смогу. Поймите меня. Мне так стыдно. Но вдвоём с Таней мы как-то будем поддерживать его. А я лишний раз боюсь звонить ей, надоедать. Она измучилась...

13 августа 2008 г.

Дорогие мои!

В книгу “Вашей учусь любви” включила всё из “Слова...” и книги “Жизнь под Красным знаменем”, поэму “Море”, воспоминания писателей – друзей Саши – “Мои друзья – мне самый тёплый юг” и статьи Саши под рубрикой “Трудный разговор о жизни”, письма его и к нему.

Надеялась включить, там, где “Переписка Т. Ф. Редько и А. Кухно” – небольшую “Переписку Т. Ф. Редько и О. М. Кухно” – как память о Саше и Татьяне Фёдоровне.

Алик, твоя вступительная статья к книге о Лежене – замечательна. У меня (полная **большая** статья) она сохранилась, и я посылаю тебе. В школах, в Литературном музее я читала отрывки из неё – воспринимались они – отлично! Я оставила место для предисловия к книге – может, её как предисловие использовать в книге “Вашей...”? Или Никулькова оставить? Сделала сквозную нумерацию страниц, содержание не сделала, может, что изменится? Ты, например, что-то изменишь?

Ходила в бывший партийный обкомовский архив. Выдали мне два журнала: 1) “Вопросы культуры обкома партии”... я взяла за 1966 г. и 1967 г. сведения и 2) “Протокол заседания и материалы”. И – опись на документы Новосибирской области КПСС (1966 г.). И – справочного бюро и секретариата Новосибирского обкома КПСС (1966 г.). Всё внимательно посмотрела за 1966 г. (даже за 1967 г.), ничего не нашла.

Мне сказали, что, видимо, просто заслушивали директора издательства в отделе обкома, наказания не было, потому материалов нет. Их не хранят в папках – не очень серьёзное дело. Так мне сказали.

Замечательные рисунки мне отдали в издательстве. Я их разметила (как и были в книге “Вашей учусь любви” и в книге “Жизнь под Красным знаменем”). Рисунки готовы к полиграфической работе.

Извините за пометки, пожалуйста, торопилась отправить книги, да и состояние нервное...

У нас тревожное состояние у всех. У Андрея микроинсульт – хотят провести исследование, нет ли опухоли. Голова кругом. Татьяна постоянно ходит с ним на анализы, отпрашивается. Сам он не может ходить к врачам – плохо с памятью.

Милые Алик и Лиля! Как мы всё это выдержим! Таня замучилась!

P. S. Статьи самые интересные – о М. Светлове, например, чистые, светлые, а статья “Любимое стихотворение” вызывает слёзы.

Люблю вас! Будьте здоровы –

Ваша Ольга.

22 августа 2008 г.

Добрый день, родимые мои Лиля, Алик. О главном – Таня прошла с Андреем исследования, анализы. Даже ночевала в больнице накануне исследования мозга – под наркозом. Таня молодец! Опухоли нет! Слава тебе, Господи! Но заболевание мозга нехорошее – волновалась, по телефону Таню плохо слышала. Дадут инвалидность I степени, работать не сможет. Требуется постоянная поддержка дома (с памятью плохо). Таня боится – чтобы он не выходил из дома, путает дверь подъезда и т. д. Закрывает дверь на ключ, когда уходит. Сейчас она в эти дни взяла отпуск. Но нам с ней надо договориться, как за ним ухаживать. Вот ему 52 года, а такое случилось. Дочь нашего известного художника новосибирского, уже будучи студенткой института, заболела – летаргический сон на 4–5 дней. Устроилась на работу, но как с нею будет дальше – неизвестно! Дети наши, да сохрани их Господь!

Лекарства дорогие для Андрея, и за обследование многих врачей в НИИТО Таня заплатила 14 тысяч. Буду продавать дачу, но когда её купят? С этим тоже сложно...

Милые мои, простите, что я такую рукопись (и книги) послала вам, небольшую, но добавить нечего – всё в архиве взяла! Простите! Состояние моё – сами понимаете.

И как всегда, вы герои! 18 тонн грузов послал Российский детский фонд в Южную Осетию! Слышала выступление Алика по телевидению.

Я замкнулась, никому не рассказываю о болезни Андрея. Лиля, позволь мне тебе писать письма о нём – мне очень тяжело!

17 сентября 2008 г.

Милые мои, Лиля и Алик! Давно не писала вам. Мы с Таней привыкаем к другой жизни – Таня мотается по поликлиникам с Андреем – оформляет у врачей инвалидность. Мне она сказала, чтобы я не занималась этим, но она-то очень устаёт: Андрей изменился. Недавно у него началось такое – не может в лифте и в такси ехать, говорит, что задыхается. Ещё долго ей с ним по врачам ходить. Отчего такая болезнь – никто не знает. Устала она страшно! Иногда мне “грубым” голосом рассказывает, я терплю.

Вчера, 15 сентября, я сказала ей (люблю её, люблю их): “Таня, ну было же у вас счастье! Будем жить, поддерживать Андрея!” Она мне: “И сейчас счастье, что не нужно было оперировать мозг. Я очень этого боялась!!! Прорвёмся! Будем поддерживать Андрея – его самочувствие”.

Я никогда не забуду эти её слова! Она умница, у неё живое сердце, доброе. Она и раньше не пила, а выпивала. И сейчас я иногда чувствую, что редко-редко для успокоения выпивает. Её понять можно – насмотрелась на молодых больных людей – в поликлиниках, состояние их тоже тяжёлое. Для нас сейчас состояние Андрея – всё. Ему нужно 4 раза в год делать капельницу, уколы в это же время. У неё кончается отпуск, как она всё будет делать, опять отпрашиваться, нервы, нервы.

Лиля, напиши, что с книгой? Состоится ли она? Милые, простите меня, что сырой материал вам послала.

Может, Алик сочтёт нужным напечатать его переписку с Сашей (отдельные письма)?

Люблю вас всем сердцем, всей душой и разумом моим. Привет от Тани и Андрея.

24 октября 2008 г.

Стихотворение Александра Плитченко

АЛЕКСАНДР КУХНО

*Как в раздрызганной стыл электричке,
Как читать к “пэтэушникам” шёл,
Как любил он свои “Рукавички”,
Как бывал недоволен и зол!..
К совершенству такому стремился,
Что годами вынашивал стих,
И молчал он,
И тяжело томился,
Как певец в окруженьи глухих.*

*Горькой славы своей не увидел,
Что по-русски досталась ему...
Он стихом никого не обидел,
Не солгал никогда никому.*

*Одинокая воля сиротства!
Может, выше и нету цены...
Потому и поныне цветётся
Незабудкам его у сосны.*

Лиля, дорогая, А. Плитченко был главным редактором Новосибирского книжного издательства, позже председателем новосибирского Союза писателей. Он очень любил Сашу. “Горькой славы своей не увидел...” – это о том, что книгу “Слова, зовущие к добру” по заказам зарубежных фирм и организаций Московская “Международная книга” направила в 15 стран мира.

Плитченко умер в 56 лет, в его посмертной книге, изданной вдовой, помещено это стихотворение.

16 ноября 2008 г.

Милые мои, родные Лиля и Алик, давно я вам не писала. У Андрея самочувствие намного ухудшилось. Грозное заболевание – отмирание клеток мозга, и он очень изменился. Появились галлюцинации, многое ругает, не может пуговицы застегивать... Лекарство сильно принимает, но Таня замучалась с ним. Приходит с работы, не знает, за что хвататься. Он много лежит, мало-подвижный. Делает ему массаж спины, ног. Мне стала грубить, плачет. Хотя я всё понимаю, люблю их обоих, но, чтобы не волновать Андрея, она не допускает меня к ним домой. Всё терплю.

Сходила в психиатрическую больницу, коммерческое отделение №6, договорилась с врачом-психиатром, чтобы его приняли. Он согласился – лечить Андрея будут только в психиатрической больнице. Стоит это 15 тысяч за месяц (лекарство 4 тысячи – из 15 тысяч – больница тратит на больного). Но Таня сейчас возражает, чтобы он там лечился: нужно массаж продолжать делать, а там это никто не будет делать.

Думаю продать дачу, но за неё дают мало: крышу надо починить, забор плохой. И всё-таки продаж, новые хозяева сами всё сделают, деньги нужны будут на больницу.

Таня купила лекарство, чтобы не нервничать, не кричать. Помогает хорошо. Врач говорит: “От этой болезни нельзя вылечить, будем только поддерживать” – значит, время от времени Андрей будет лечиться в больнице, как тяжело от этой мысли. Мне по телефону говорит: “Выкарабкаемся”. Родимый мой, будем всё делать, чтобы его поддержать.

В Новосибирске грабежи на улицах – сумки выдёргивают у женщин, вечером я не выхожу, деньги в сумке не держу. Таня купила и привезла мне 2 мешка картофеля. Она молодец, буду ей во всем помогать. Обнимаю, целую. Помогите нам всем, Господи.

23 декабря 2008 г.

Дорогие Лиля, Алик – поздравляю всех вас с Новым годом, будьте благополучны во всём, желаю самого главного – здоровья! И поздравляю с золотой свадьбой, любимые мои (в 2009 г.).

Вы, мои милые, во многом помогли Сашеньке, уважали и любили его. Это для нас было счастье! И счастье ваше отношение к Андрею. Помню, как он нарисовал вашу дачу, написал портрет Димы в гусарском костюме, как он был счастлив! Я видела всё это, как он рисовал, и была благодарна вам.

А посещение мастерской Александра Шилова в Москве, к которому очередь на его выставку (приезжали из других городов) – люди простаивали по 4–5 часов на улице. Лиля, это ты повела Андрея и Таню к Шилову. Таню я попросила описать, какие картины они увидели в мастерской, как общались с художником. Рассказ у неё получился интересный. И это тоже вы подарили им счастье! Позже мы с Андреем посетили мастерскую замечательного художника Ю. Иванова, который иллюстрировал книги Альберта Лиханова. Всё это было великое счастье – увидеть, побеседовать с художником. Ему понравились работы Андрея, он даже поработал с ним. Это всё было великое счастье – такая школа, школа жизни, творчества. Извините, что часто у меня слово “счастье”. Но оно было у Андрея и в жизни, и в творчестве.

Общение Андрея с Татьяной Фёдоровной Редько тоже великая радость. Она тоже любила и уважала его. В письме ко мне: “Андрей сделал отличный этюд и подарил мне. Я повесила его на стене и люблюсь им. Славный у вас сынок, Олечка”.

Родимые мои, Саша и Андрей, они были счастливы с вами, всегда буду помнить об этом, всегда дорожить.

Буду любить Бога, Родину нашу и родных людей, которые ушли от нас...

Буду рассказывать о творчестве Саши – фото Саши и Андрея отдам – у него в частных коллекциях картины в Италии (4 картины), во Франции (4 картины), Сирии, Германии. Природа, портреты, родной город... – в Криводановской библиотеке имени А. Кухно, в школе № 132, там, в музее школы, есть экспозиция книг А. Кухно, его печатная машинка в музее нашего Заельцовского района. Отдам письма Саши и мои Андрею в Артек, его письма к нам.

Я с вами, я люблю вас, я люблю людей – друзья помогают мне, родные помогают мне. Спасибо за помощь вам.

23 декабря 2008 г.

Любимые мои, Лилечка, Алик, получила от вас замечательные подарки: Альбом “Российский детский фонд” и прелестный “Лилечкин альбом”! Два мира – а вообще-то один мир – двух самых беспокойных на свете сердец, каких я знаю! Я счастлива, что Саша и я прикоснулись тоже всем сердцем к дружбе с вами, полюбили вас!

Я ещё не всё просмотрела в Альбоме, прочла только несколько писем в “Лилечкином альбоме”, но была взволнована всем увиденным.

Только чистые, светлые, сильные люди могут поделиться тем, что они пережили, как помогли друг другу. Я заплакала, когда Алику сделали благополучно операцию (рак), он много лет не знал о суровом приговоре: Алик “встал на колени перед ней, проговорив только: “Как же ты жила?” (из альбома).

И обо многом другом узнала я из альбома, храни вас Бог, дорогие!

Портрет Лили Александра Шилова замечательный. И портрет Юрия Иванова поразил меня, Лиля, взглядом твоим, немного печальным, но таким нежным, прекрасным...

Спасибо твоим родным, тексты о тебе сердечные, прекрасные. А уж твои письма, Лиля, очень интересные, прекрасные и ласковые.

И какой же изумительный альбом о Российском детском фонде – я часто буду обращаться к нему, готова беседы с учащимися Криводановской библиотеки и других библиотек...

Тема “Семья” (эта тема в России в 2008 г.) – и о семье детского фонда. И о дружбе со школьным другом Саши – Сашей Зиняковым, которому посвятил Саша стихотворение “Мы были дети”. Он, окончив военное училище, прошел все ступени воинской службы, его направили работать в военный аппарат партии. Это и о вашей деятельной семье, сильной и щедрой во всех делах – и о дружбе с Сашей.

Спасибо, милые, за всё.

8 января 2009 г.

Милые мои, дорогие Лиля и Алик, сегодня получила (8 января) перевод от вас – 2000 рублей. Благодарю, тронута. Целую. Ещё раз с наступившим Новым годом и Рождеством! Читаю ваши альбомы замечательные. Обнимаем. Поздравления от Андрея и Тани.

29 мая 2009 г.

Милые мои Лиля, Алик, извините, что долго не писала вам. От тоски спасалась тем, что ко дню рождения Саши приготовила и выступила с беседами-докладами о творческих судьбах Александра и Андрея Кухно – в школе № 132, в Криводановской библиотеке и дома – для видеофильма для Литературного музея (приезжали к нам домой, беседа была в кабинете Саши; фото, рисунки и картины Андрея в большой комнате).

В архитектурно-художественной академии Андрей проработал 31 год, на кафедре рисунка и живописи, доцент.

Читали стихи Сашины, я показывала рисунки и фото картин Андрея.

Разговор получился живым, интересным. Переключка в творчестве – стихотворение “Зима” и картина “Зима”, стихотворение “Подснежник” и картина “Подснежник” и т. д. Педагогам и учащимся понравилась беседа – в библиотеке им. А. Кухно, в школе №132. Библиотека стала домом для Саши и теперь – для Андрея.

Мне помогают родные и сотрудники издательства, часто звонят – и Селькина, и Нина Сергеевна Семаева. Всё вспоминается, но уныние – грех, хотя часто плачу...

Ходим на кладбище с Таней. Привет вам от неё. Каждый вечер, как когда-то Андрей, она звонит мне.

Люблю вас, обнимаю. Рассказываю, что у меня есть родные – семья Альберта Лиханова.

12 октября 2009 г.

Как мне трудно без Саши, Андрея, Сергея! Сегодня приходил школьный товарищ Андрея – Саша. Я была очень ему рада! Друзья звонят мне, приходят – мои друзья. На поминальном обеде – приходили педагоги из Архитектурной академии, хорошо говорили об Андрее.

Картины у Андрея замечательные. Он впитал Россию. Он любил Родину.

А эти письма, скорее, записочки, не сохранили чисел и месяцев, помеченные последним годом жизни Ольги. Ей плохо, она больна и не должна бы оставаться одна, но она свято верна памяти о доме, где доживает последние дни, о деле, которое должна исполнить.

Ушла она горько и одиноко.

2012 г.

Добрый день, дорогие Лиля и Алик!

Простите меня. Собрала письма Алика к Саше. Я болею и болела – причина необычная. Заболели сильно ноги. Позвонила в Центр консультации в Новосибирске. Доктор Шац назначил лечение – оказывается, по интернету он собирает сведения о больных (одинокие или нет и т. д.) и вытягивает деньги у них – писатели, художники, артисты. У Саши есть сведения, что его книги в 15 странах мира (“На перекрестках трудных судеб”).

И началось – доктор посылает ко мне курьера на такси, он отвозит меня в банк, беру деньги, а курьер отвозит их доктору. Денег немного было. Я потом звонила, но никто не отвечал. Это было мошенничество. Стали звонить другие “врачи” – “требовать” на лечение (больные ноги) японские тапочки, я сказала, что нет денег “и не будет”. “Тогда будем лечить принудительно”.

Я испугалась. Племянница Саши – Екатерина Антоновна – пошла в милицию. Отдала заявление, но от них ответа нет. Приходили из “горячей линии”. Но не помогли.

Алик, я работаю, но очень медленно, нервное состояние.

А по интернету работают у нас в Новосибирске лихо “врачи” и ещё кто-то: избили художника, отобрали деньги, документы, паспорт. Я закрываю двери на ночь, по домофону говорю с приходящими. Буду добиваться помощи у милиции.

Господи, охрани нашу Россию!

Когда всё сделаю – телеграммой сообщу, что посылаю посылку вам.

Люблю вас, здоровья и успехов вам во всём!

2012 г.

Милые, дорогие Лиля и Алик, здравствуйте!

Я и раньше заболела – падала, но теперь ноги. Часто падаю на улице, меня до дому люди доводят. Книга не двигается почти. Болит голова. Но позднее я всё равно её сделаю! Позднее.

Простите меня... Боюсь выходить из дому. Соседи хлеб и молоко приносят. Спасибо им. Вчера сильно зашибла дома ногу.

Письма я приготовила Алика к Саше.

Поздравляю с весенними праздниками! Целую. Здоровья вам.

До свидания.

2012 г.

Алик, можно так сделать? Я слабая стала, болит голова, особенно сосудистые – ноги. Можно, корректуру, которую ты прислал, я добавлю к ней несколько стихов и в конце твои письма к Саше? Я их приготовила. Они очень интересные и нужные. Ты ещё раз их просмотришь – и что нужно – вставишь. Можно так?

Заглавие книжки – “Вашей учусь любви”. Я тщательно сделаю корректуру.

2012 г.

Извините, писать не могу – слабость. Медленно всё делаю.

Меня уговаривают (не родные люди, а знакомые) поселиться в доме ветеранов. Я не согласна. Здесь мы с Сашей жили. В другом доме я не смогу жить – здесь Саша, дети – все жили!

20 ноября 2012 года Ольга Михайловна Кухно скончалась в своей квартире. Одна.

Примечания

- ¹ А. Кухно уволился из редакции “Сибирских огней”, чтобы полностью сосредоточиться на собственном поэтическом творчестве.
- ² Фояков Илья Олегович (1935–2011), собкор “Литературной газеты” в Новосибирске, поэт и друг А. Кухно.
- ³ Чикин Леонид Андреевич (1927–1994) – новосибирский поэт.
- ⁴ Стюарт Елизавета Константиновна (1906–1984), новосибирская поэтесса, старший друг и наставник А. Кухно.
- ⁵ Самохин Николай Яковлевич (1934–1989), новосибирский прозаик.
- ⁶ Константиновский Давид Львович (1937), учёный-физик, в 1960-е годы работавший в Новосибирском академгородке, прозаик. Живёт в Москве.
- ⁷ Раппопорт Евгений, новосибирский журналист.
- ⁸ Коньяков Виктор Михайлович (1927–1999), новосибирский прозаик.
- ⁹ Чернышов Сергей, новосибирский журналист и прозаик.
- ¹⁰ Грехова Нина Митрофановна (1941), новосибирская поэтесса.
- ¹¹ Милютенко Владимир Борисович, новосибирский комсомольский работник, впоследствии корреспондент АПН в Германии.
- ¹² Плитченко Александр Иванович (1943–1997), новосибирский поэт.
- ¹³ Расстегняева Елена Рубеновна, в 1960-е годы редактор Новосибирского книжного издательства.
- ¹⁴ Речь, видимо, о IV съезде писателей СССР, состоявшемся в мае 1967 года.
- ¹⁵ Пальм Аркадий Яковлевич (1930) – в 1960-е годы собственный корреспондент “Комсомольской правды” в Днепропетровской области.
- ¹⁶ Лежен Адриен – последний парижский коммунар, о жизни которого А. Кухно готовил книгу.
- ¹⁷ Нуйкин Андрей Александрович (1931), критик, родился в Новосибирске, живёт в Москве.
- ¹⁸ Елкин Анатолий Сергеевич (1929–1975), журналист, в 1960-е годы зав. отделом литературы и искусства “Комсомольской правды”.
- ¹⁹ Эти и множество других вопросов А. Кухно формулировал, прежде всего, для себя, чтобы отыскать материалы о Лежене для своего замысла.
- ²⁰ Владимиров Борис, в 1960-е годы – первый секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ.
- ²¹ Лисовский Казимир Леонидович (1919–1980), новосибирский поэт.
- ²² Смердов Александр Иванович (1910–1986), новосибирский писатель, много лет был главным редактором “Сибирских огней”.
- ²³ Якубовский Аскольд Павлович (1927–1983), новосибирский прозаик, позже переехал в Москву.
- ²⁴ Никульков Анатолий Васильевич (1922–2001), новосибирский писатель и критик.

- ²⁵ Решетников Леонид Васильевич (1920–1990), новосибирский поэт.
- ²⁶ Китайник Абрам Ушеревич (1922–2001), в 1960-е годы главный редактор Новосибирского книжного издательства.
- ²⁷ Богучаров (наст. фам. Морковкин) Александр Константинович, поэт, литсотрудник журнала “Смена”.
- ²⁸ Грудев Игорь Тимофеевич (1922), поэт, в 1960-е годы заведующий редакцией поэзии издательства “Молодая гвардия”.
- ²⁹ Верченко Юрий Николаевич (1930–1994), в 1960-е годы – директор издательства “Молодая гвардия”, позже – оргсекретарь Союза писателей СССР.
- ³⁰ Мелентьев Юрий Серафимович (1932–1997) – в 1961–1965 годах директор издательства “Молодая гвардия”, позже – министр культуры РСФСР.
- ³¹ Калау Хайнц (1931–2012), поэт, ученик Брехта (ГДР).
- ³² Эггерс Герд, немецкий поэт (ГДР).
- ³³ Кёниг Хармут (1947), поэт, один из участников “Октябрь-клуба” (ГДР).
- ³⁴ Кузнецов Вадим Петрович (1935–2003), поэт, в 1960-е годы инструктор ЦК ВЛКСМ.
- ³⁵ “Письма из Сибири” – тт. 1–2, сост. А. А. Лиханов, Новосибирск, 1968 г.
- ³⁶ Лигети Карой (1890–1919), венгерский революционер-интернационалист, поэт, командир венгерского интернационального отряда, расстрелян колчаковцами, похоронен в Омске.
- ³⁷ Шуры Исаак Самонович и Александра Максимовна, кировские знакомые Лихановых.
- ³⁸ Лаабс Йоохен (1937) – поэт (ГДР).
- ³⁹ Васильева Лариса Николаевна (1935), поэтесса, прозаик (Москва), основательница музея “История танка Т-34”.
- ⁴⁰ Дунаевский Александр Михайлович (1909–1985), историк, исследователь Парижской коммуны.
- ⁴¹ Колмогоров Николай Сергеевич (1925–1965), сотрудник Омского областного архива.
- ⁴² Упомянутые имена – подробнее в книге самого А. Кухно.
- ⁴³ Николова Адела (1879–1960), болгарская революционерка.
- ⁴⁴ Молок Александр Иванович (1898–1977), историк, специалист по истории Парижской коммуны.
- ⁴⁵ Коржев Виталий Георгиевич (1934–1996), новосибирский литературный критик, долгие годы зав. отделом критики журнала “Сибирские огни”.
- ⁴⁶ Мельников Евгений Иванович (1936), новосибирский журналист, критик, прозаик.
- ⁴⁷ Беляев Михаил Александрович, поэт, в 1960-е годы сотрудник редакции поэзии издательства “Молодая гвардия”.
- ⁴⁸ Шури Морис (1912–1969), французский литератор, исследователь истории Парижской коммуны.
- ⁴⁹ Ивнев Юрий Александрович (1891–1981), поэт, прозаик, переводчик.
- ⁵⁰ Иванов Анатолий Степанович (1928–1999), известный сибирский прозаик.
- ⁵¹ Соболев Анатолий Пантелеевич (1926–1986), прозаик.
- ⁵² Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971), советский писатель, в 1960-е годы председатель Союза писателей РСФСР.
- ⁵³ Наместников Борис, в 1960-е годы первый секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ.
- ⁵⁴ В. Бахтин. “Забвение критериев”. “Звезда”, № 3, 1972.
- ⁵⁵ “Конспект судьбы” (очерк о художнике К. Н. Редько). “Дружба народов”, №12, 1973.

Р. С. ВСПЫШКА ПАМЯТИ

Осенью 1958 года я послал из Тайшета, где работал в районной газете “Заветы Ленина” (год назад она называлась “Сталинский путь”), несколько стихотворений в знаменитый новосибирский журнал “Сибирские огни”. . . Эти стихи были написаны мною после многих посещений стройки железной дороги Тайшет–Абакан, где в палаточном городке жила молодёжь, приехавшая сюда по так называемым комсомольским путёвкам. Как поэт, я тогда ещё не печатался ни в Москве, ни в моём областном городе Иркутске, разве что в родной районной газетёнке.

А книжечка стихотворений, вернее тощенькая рукопись и об этой стройке, о суровой жизни в леспрохозах и затерявшихся в бесконечных лесных дебрях деревнях, где кроме потомков столыпинских крестьян обитали превратившиеся в советских колхозников ссыльные западенцы из бандеровских областей и латыши, отправленные в Сибирь за связь с немецкими оккупантами и лесными братьями, у меня уже сложилась. И название у неё уже было – “Землепроходцы”. И я был счастлив, что написал её, особенно когда к этому счастью добавилось письмо из “Сибирских огней”, в котором сообщалось, что обширная подборка моих стихотворений из этой книги уже напечатана и что редакция приглашает меня приехать в Новосибирск познакомиться с журналом, с новосибирскими писателями, а ещё и получить гонорар. . .

Письмо было подписано заведующим отделом поэзии журнала Александром Кухно.

Выпросив у главного редактора неделю за свой счёт, я вскочил в поезд, идущий на запад, и через сутки уже сходил на перрон столицы Западной Сибири.

Меня встретил молодой статный человек, бывший тем самым Александром Кухно, которому и посвящены эти воспоминания его друга Альберта Лиханова.

Пару дней я прожил в его тесной квартире, где мы отметили получение мной небывало высокого для меня гонорара, читали друг другу стихи, спорили о стихах наших московских уже знаменитых сверстников.

Он познакомил меня с редакцией журнала, в которой после публикации началась по существу моя литературная жизнь, в редакции я получил благословение Елизаветы Стюарт, известной на всю страну поэтессы, потом Александр показал мне Новосибирск, и помню, что, увидев пришвартованный к берегу Оби дебаркадер, превращенный в дешёвенькую гостиницу, я решил, что на оставшиеся несколько дней переселюсь именно сюда, и здесь, в персональной каюте, я засыпал и просыпался под плеск уже покрывающейся шугой обской волны.

С той поры прошло почти 60 лет, но когда Альберт Лиханов принёс мне свои воспоминания о жизни в Новосибирске, о дружбе с Александром и его женой Ольгой, образ Саши Кухно, застенчивого, немногословного, влюблённого в поэзию и своих наставников и своих ровесников, вдруг выплыл из моей памяти со всеми подробностями.

Сначала, читая страницы лихановского “Реквиема другу”, я недовольно морщился от избытка сентиментальности и излишней восторженности в переписке двух молодых людей минувшей эпохи. Но потом постепенно понял, что эта взаимораспахнутость родственных душ, этот поиск взаимопонимания, эти

большие и малые заботы каждого из них о судьбе другого – всё это в сумме и составляет тот внутренний мир человека, особенно молодого, тот образ жизни, который сейчас мы называем “советским” и который был истинной драгоценностью минувшей эпохи, стержнем жизни, спланивавшей нас в простое и вечное понятие “народ”, отличающее нас и от людей эгоистического протестантско-католического Запада, и от людей замкнутого иерархического Востока.

Осознав это – каждое следующее письмо из переписки двух родных душ я стал читать со всё возрастающим интересом... Какая глубина понимания друг о друге! Сколько чувств, ныне почти незнакомых современным воспитанникам “интернета”, сколько искренней веры в жизнь, в будущее, какое доверие времени и современникам!

Нет, конечно, и всплески разочарования есть в этих письмах, и окись досады от бытовой неустроенности, и всякого рода сомнения в своей творческой состоятельности. Но, как говорится, “и всё же, всё же, всё же”.

Но самая главная, самая основная часть этой эпистолярной эпопеи, на мой взгляд, – это письма Ольги, написанные ею Альберту Лиханову после безвременной смерти Александра. Суть этой второй главы – беззаветная любовь и преданность русской женщины к единственному и навсегда потерянному близкому человеку, преданность его судьбе, его делу, осознание своего женского и семейного долга – увековечить его имя и его дело.

Ольга исполнила этот свой долг жены и матери до конца, несмотря на тяжелейшие болезни своих сыновей, несмотря на слабеющие с каждым годом силы, несмотря на то, что на неё и на всех нас уже надвигались в 80-е годы жестокие и бесчеловечные времена.

Да, Пушкин упрекнул однажды своих русских соотечественников, что они бьют “ленивы и нелюбопытны”. Но Ольга сделала всё возможное, чтобы развенчать эту жестокую мысль великого поэта. Она прожила после смерти своего мужа 34 года и сделала нечто невероятное. Она издала пять его книг (при жизни он издал лишь четыре). Она собрала и издала его переписку с писателями, художниками, историками той эпохи. В том числе и с теми, кто жил за границей, и, помогая ему собирать материалы для биографии последнего защитника Парижской коммуны, публиковала подборки его стихотворений и в местной сибирской прессе, и в центральной – в журналах “Огонёк”, “Юность”, “Смена”.

Она сделала всё возможное, чтобы после смерти мужа – его творчество зажило посмертной жизнью, которая в России значит не меньше, а чаще всего больше, чем “творческая жизнь” при жизни.

Да что говорить! В России даже такие крупные таланты, как Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Владимир Соколов, Анатолий Передреев – и те нуждаются в том, чтобы воля, память и энергия родных и близких людей помогли им в их посмертной жизни!

Она нашла скульпторов и средства для того, чтобы образ Александра выразился в гипсе и мраморе, чтобы над его прахом возник надгробный памятник.

В год, когда ему исполнилось бы 50 лет, она собрала всех его друзей в Союз писателей Новосибирска. Благодаря ей постоянно выходили статьи и рецензии о его творчестве в различных журналах вплоть до знаменитого “Нового мира”.

В 1986 году, к его 55-летию, Ольга добилась того, чтобы в Новосибирске прошли теле- и радиопередачи о нём, в Академгородке состоялся вечер поэзии, посвящённый Александру, а в год его 70-летия одной из библиотек области было присвоено его имя, а в одной, при школе-лицее, был создан литературный клуб его имени.

Невозможно перечислить все большие и малые дела, сделанные ею ради памяти Александра. Недавно я позвонил в Новосибирск Владимиру Берязеву и спросил его, помнит ли он Сашу Кухно и как относится к его творчеству. Берязев ответил, что по возрасту он с Александром не встречался, – но как поэта его помнят, и он его стихи знает и любит. И это в значительной мере заслуга покойной Ольги. Эта героическая женщина, пока была жива, шефствовала над несколькими библиотеками области, она поистине вылепила культ поэта на его малой родине, собрала все его портреты, написанные местными художниками, подвигла многих его земляков написать воспоминания о нём...

Я так подробно перечисляю все большие и малые дела самоотверженной женщины, потому что мы живём в такое трудное время, когда государству нет дела до того, о чём мы пишем, что мы издаём, чем боеем, где нас похоронят, какая память останется от нас для будущих поколений. Наша посмертная судьба зависит от всё уменьшающегося числа наших читателей, от памяти наших ближайших друзей, от преданности наших жён, с которыми мы прожили долгие годы или короткие жизни.

Я за свои 60 лет присутствия в литературе узнал если не все, то многие примеры самоотверженности и прижизненной и посмертной, которой жили верные жёны – подруги моих ушедших друзей. Сколько сделала для увековечения памяти своего покойного мужа Юрия Кузнецова, великого русского поэта, его жена Батима! А вот какое письмо я недавно получил из Читы от поэта Вячеслава Вьюнова, ученика и друга выдающегося поэта Забайкалья Михаила Вишнякова, письмо о том, как сохраняется о нём память на его малой Родине.

“День добрый, Станислав Юрьевич! Жену Михаила зовут Альбина Гавриловна. Она тяжело болеет, по очереди дежурят дочери – Ия и Лена. Ия занимается всем, что связано с Михаилом. Она организовала семейный клуб забайкальских литераторов (куда вошли вдовы и родные ушедших забайкальских писателей). Мемориальная доска, памятник, литературная ежегодная премия (100 тысяч рублей), Вишняковские чтения, фотовыставки и пр. Всё это сделано силами губернаторской (прежней) власти, родственниками, писателями, друзьями, работниками библиотек. Вышла книга “Слово о поэте”, которую отправлю Вам вместе со своей книгой “Я, видимо, очень русский...”. Отправлю через неделю (заберу тираж из типографии), одной бандеролью. Презентация книги “Я, видимо, очень русский...” назначена на 19 марта”.

Вот везде бы так!

Богата истинными поэтами, ушедшими в иной мир, русская земля. И я уверен, что судьба и творчество многих из них достойны более глубокого изучения и более внимательного прочтения. Говоря это, я в первую очередь вспоминаю Николая Дмитриева из Подмосковья, Владимира Башунова из Барнаула, Николая Колмогорова из Кемерово, Анатолия Горбунова из Иркутска, Николая Якунина из Мосальска, Евгения Курдакова из Новгорода, Станислава Золотцева из Пскова, Юрия Адрианова из Нижнего Новгорода, Геннадия Ступина из Подмосковья, Бориса Шишаева из Рязани, Валентина Волкова из Калуги. А прекрасный поэт Виктор Лапшин из Галича? Ну кто бы его знал, если бы не поддержка Кожина и Кузнецова, если бы не забота о его наследии жены и его друга А. Скулякова? Низкий поклон жене выдающегося брянского поэта Николая Поснова Тамаре за всё, что она делает для того, чтобы его малая родина Брянщина не забывала Николая. Я всех их знал. Я читал их книги. У каждого из них есть стихи, которыми я восхищался. Нельзя предавать их имена забвению. Они должны быть известны, почитаемы и любимы своими земляками.

Я, конечно, не мог знать всего об их судьбе, но рядом с ними в течение жизни были и верные друзья, и верные подруги. И я уверен, что каждый из этих поэтов мог бы занять на своей малой родине столь же достойное место, какое занял в Новосибирске Александр Кухно, благодаря трудам, чувствам и памяти Ольги.

Каждый из перечисленных выше поэтов есть национальное достояние – кто-то большее, кто-то меньшее. Они сделали своё дело, осмыслили свою судьбу и своё время и попрощались с нами. А наше дело в эпоху всемирного помрачения и одичания – сделать всё, чтобы эти имена стали путеводными огоньками, вспышками памяти, очагами тепла и света в наступающей на мир, а значит и на Россию бездуховной космической мгле...

Эти мысли бродили в моей голове давно. Помнится, как вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна, много десятилетий хранившая его литературное наследство, знаяшка чуть ли не наизусть роман “Мастер и Маргарита”, в 60-е годы часто заходила в Центральный дом литераторов, чтобы вытаскивать из бильярдной своего азартного пасынка. Знаменитый роман уже был опубликован, и все завсегдаи бильярдной с благоговением глядели на эту молоджавую легендарную женщину, а мне казалось, что над её пышной причёской колыхается нечто вроде золотистого нимба.

Именно тогда я и написал стихотворенье, ей посвящённое, но оставшееся ненапечатанным, поскольку оно казалось мне случайным экспромтом, не имеющим отношения к главным мыслям и чувствам, тогда владевшим мною. Но сейчас я решил, что оно к месту, вспомнил о нём и разыскал его в своих черновых блокнотах.

*Чтоб избежать забвенья кары,
пишите, вдовы, мемуары
и вспоминайте времена,
о том, как помогала мужу
в час клеветы, в жару и в стужу
его заложница жена.*

*Когда, себя не утверждая,
а чёрный день пережидая,
хранила бранные листки,
учила наизусть романы,
играла акт семейной драмы
по-женски, а не по-мужски.*

*Подумал в наше время кто бы
о том, что прятка Пенелопы
скрипела где-то за стеной,
и женщина неслышной тенью
летела вопрекор забвенью
над равнодушной синевой.*

*А всё, что не сказать словами,
а только взглядом и слезами —
то растворяется во мгле.
Всё наше остаётся с нами,
витают золотыми снами,
не воплощаясь на земле.*